

Москалев Дмитрий

Бесполезный человек

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дмитрий Москалев

Бесполезный человек

«Автор»

2017

Москалев Д. Н.

Беспольный человек / Д. Н. Москалев — «Автор», 2017

ISBN 978-5-532-93086-5

Почувствуй, как время перемен уносит душу. Как оковы её гремят о скалы скорби - эта скорбь - скорбь о будущем. Книга расскажет о недалеком времени, где воцарилось настоящее зло, воплотившееся в сущности человека. О противостоянии самых сильных и могущественных и самых слабых и нищих, о любви, ненависти - одним словом, обо всем вечном человеческом. Утопия, заключенная в антиутопию, киберпанк и научная фантастика в одной книге. Человеческий труд обесценился, он стал бесполезным. Рабочие места захватили дешевые технологии и роботы. В это время на планете воцаряется новая религия, которую возглавляет полубог из прошлого. Человечество было уничтожено и от прежней цивилизации осталась лишь горстка дикарей, скрывающаяся на дне мегаполиса. Технологии захватчиков планеты достигли такого уровня, что техносферой управляет сверхсущество, а сами они готовятся покинуть планету и переродиться в синтетику. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-93086-5

© Москалев Д. Н., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Предисловие	5
Пролог	6
Часть 1. Чумной город богоподобного царя	9
Глава 1	9
Глава 2	23
Глава 3	26
Глава 4	28
Глава 5	31
Глава 6	33
Глава 7	37
Глава 8	40
Глава 9	43
Глава 10	45
Глава 11	47
Глава 12	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Дмитрий Москалев

Бесполезный человек

Предисловие

Открывая эту книгу, Вы, мой дорогой читатель, скорее всего ждете очередную болтовню о будущем из разряда беллетристики, которая как жанр фантастики не может предложить уже ничего нового кругу читателей всего мира, но я хочу вас разочаровать. Эта книга, которую я назвал "Бесполезный человек" писалась мной на протяжении почти десятилетия, изначально я планировал написать философские заметки бесполезного для общества человека, от его имени, конечно же, но затем, набравшись опыта и два раза переписав книгу, я превратил ее в роман, наполненный глубочайшим философским смыслом. И что же это за такой "глубинный смысл"? Философы тысячелетий старались избегать этого вопроса, ходя вокруг да около. Этот вопрос о важности человеческого труда. Чем старше становится человечество, тем важнее человеческий труд, который становится неотделимым от сущности человека и его духа.

Считается, что эквивалент успешности, ценности труда – деньги, на сегодняшний момент. Так бывает не всегда. Современные реалии таковы, что труд стараются обесценить, чтобы как можно больше собрать "сливок", предел обесценивания – рабство, когда человек становится просто вещью, скотом. Но в цивилизованном мире уже нет прямого рабству, а есть место лишь финансовым ограничениям, которые держат человека на коротком или длинном поводке. Другая крайность – роскошь, когда один человек владеет, по сути, бессмысленным богатством и сверхдорогими вещами и получает столько материальных благ, что этого хватило бы для сотен, а может быть и тысяч людей.

Эта книга о том, как человек теряет всю ценность, когда его труд обесценивается, труд, который становится никому не нужен (да поймут меня миллионы безработных). А когда труд человека перестает иметь хоть какой-то вес, то перестает существовать и сам человек, вся борьба массы против эксплуатации есть борьба за труд, за его вознаграждение. Ни один человек на земле не хочет быть бесполезным. И, как я хочу заметить, если в обществе обесценивается труд людей, то обесценивается и их жизнь, но отсюда следует, что обесценивается жизнь не только бедных, но и богатых, т.к. в борьбе противоположностей никто не остается обособленной вещью в себе, взаимодействуя между собой, смешиваются два потока, беря что-то друг от друга.

Эта книга не о роботах и социальной катастрофе, эта книга в первую очередь о человеческом разьединении.

Дорогие читатели, покупая эту книгу, Вы вкладываетесь в ее редактуру и качество. Спасибо!

Пролог

События, влияющие на будущие, словно великая всеобъемлющая паутина, и даже самая незначительная мелочь, влияет на характер, или качество события, ведь сам мир, огромный мир, состоит из мелочей. В мире нет простых вещей, и сложные вещи состоят из мелочей, и нет такой вещи, которая была бы самой малой, ибо самая мала вещь в конечном итоге становится всем, то есть самым большим, из чего состоит всё.

Меняются культуры, понятия, ценности, не меняются лишь инстинкты, которые порой и движут людьми – выжить, продолжать род.

История человечества есть противостояние между самой сутью человека и зверем, засевшем внутри. Иногда этот зверь вырывается наружу. Иногда его удерживают оковы воспитания, убеждений, иногда его ничего не удерживает – воля ограничивается возможностями, ограничивается данностью и бытием.

Эта история начинается с того времени, когда люди ещё не знали о полетах к другим звездам и планетам, когда они ещё ни на шаг ни приблизились к созданию искусственного интеллекта, который бы заменил им разум, но не заменил бы совесть и сознание, на Землю явились создания из прошлого – в итоге, и по существу, неудачное творение высших сил, которые однажды мимоходом посетили наш мир, тогда ещё дикий и одинокий дом, но не остались в нем, а покинув его улетели в бездну космоса навсегда, оставив человечеству непостижимые разумом артефакты.

Какие цели преследовали они, вторгаясь в невинные дикие земли "обетованной", неизученной и не приспособленной для разумной жизни?

Высшие не догадывались о том, они и не планировали того, что из этого выйдет спустя множества столетий, а может быть им было просто всё равно! Для них, совершенных, разницы между тем злом, и тем добром, которое затем сплелись в борьбе спустя века – нет, все едино, все пребывает в ином свете, в мире умиротворения и гармонии. Чужда им показалась земная дикость, чужд им показался голубой космический шар. Но эта чужая дикость их не остановила, семя было брошено и семя взошло, впитав в себя соединения из "почвы".

Конечно, человечество на том этапе развития оказалось слабым и никчемным перед таким коварным и хитрым врагом и перед собственным страхом, врагом – на долгое время притворившимся другом, и оказалось не в состоянии преодолеть собственную алчность и предубеждения, и затем оно, человечество, угасло, как угасает пламя, оставляя тлеть угли на выжженной земле. Этот враг – собственный внутренний мир, который оказался сильнее человеческой воли, этот враг – интеллект. Контркультура, к которой у власти и капитала выработался иммунитет, одержала победу над мейнстримом и стала больше, чем двигатель маркетинга и торговли, больше чем течение, она стала тем ядом, который отравил улей человечества. Элиту уже не волновал капитал и торговля, ее волновала власть и тотальный контроль, собственная диктатура с помощью современных технологий и машин.

"Пришельцы" легко вошли в высший эшелон элиты, в самые узкие кружки властителей мегакорпораций, финансовых воротил и в правительства крупнейших стран, в состав "глобального правительства", создав своего рода прогрессивную организацию религиозного неоязычества, во власти которой оказалась, и не случайно, сама элита их великодушно принявшая, и впоследствии, прогнившая, но и не без помощи пришлых, а со временем окончательно растерявшая все рычаги финансовой и экономической власти. Пришлые имели особый дар убеждения и влияния и мало кто мог ему противиться.

Власть земная затем исчезла с мировой политической арены, оставив сцену театра свободной для новых "мафиозных" заправил, обещавших рай и экономическое чудо – самое чуд-

ное из всех чудес – свободу, равенство, братство и другое, такое как сытость, самодостаточность, спасение, и не только души, а тела – обещание вечной жизни без труда.

О, столько манящих идолов расплодило жречество пришлых!

Тем временем экономика развивающихся стран, трещала по швам, постоянные войны за рынок, сферы влияния и ресурсы истощили единый организм, и постепенно, алая кровь огромного колоса вытекла, и ронялись последние капли её, в преддверии экономического коллапса и всеобщей гибели. И восстал её мертвый ходячий труп и стал бродить по миру, не в поисках жертвы, а в поисках жизни. Трубы апокалипсиса извещали о конце рыночной экономики.

Откуда прилетели, и куда исчезли те существа, которые создали древних, неизвестно, кем они были – не известно, они оставили вместо себя лишь чуждый человеческой природе продукт творения – кристалл, заключающий в себе душу, а может быть и частичку себя, совсем небольшую часть, элементарную память прошлых жизней, характера и интеллект. Но на самом деле – неизвестно, их никто не видел, и зачем они создали всё это никто не знает и не знал.

Неизвестно также вернутся ли они или уже исчезли навсегда на просторах вселенной, а может быть они создали новый мир, более идеальный? Что стало с ними на пути к всеобщему счастью разума?

Древние проснулись от долгого сна, и ощутили легкий ветерок, гуляющий сквозь пальца человеческих рук, которыми они стали обладать. Так они приобрели то, чем обладали многие тысячи лет назад – жизнь. Но у них имелись совсем другие понятия о жизни, о морали, о смысле существования. Мера, которой существа пользовались, которую им передали их творцы, осталась за горизонтом событий и испарилась, оставив вместо себя лишь черную дыру, которую быстро наполнили современные предубеждения развитого капиталистического человека–потребителя и хищника. И эта дыра, стала притягивать к себе весь белый свет, пока не пожрала его, оставив лишь тьму.

Создания росли, развивались, учились, и в итоге, с помощью технологического наследия, оставленного им безвозмездно, выросли и повзрослели, создав объединенную расу пришельцев, смотрящих на происходящее вокруг свысока, но не оставшихся в стороне, а занявших самую высшую ступень человеческой иерархии.

Пришлые вспомнили все! И забыли все то, что отделяло их от самих себя, от своего ужасного всепоглощающего эго.

Земляне ещё не повзрослели за время их спячки, те остались для них детьми на многие тысячелетия.

А самих пришельцев, вернее сказать – их тела, создали из плоти людей, но бездушных, чужеродное тело иногда вступало в конфронтацию с человеческим мозгом через психику и подсознание, порождая собой уродскую химеру, хищника.

Но вернемся к истокам. Кипела кровь от гормонов, страстей, интриг, хотелось большего, величественного, хотелось избавиться от жалких особей человека, царивших на еще благодатной и богатой земле. Ведь человек казался слаб, и как творение божье – он как сизифов камень, который никогда не побывает на вершине горы, постоянно скатывается вниз в эволюции.

Поняв грех, и приняв его, свой город древние превратили в Содом, их предместье в Гоморру, которые сами себя пожрали, вкусив всевозможного рода извращения и пороки. Умы их извратились, вывернулись наизнанку. Скука вечности пожрала их наивность и любовь, скука – самый главный враг разуму.

Так постепенно, от смерти до рождения, и наоборот, их души тлели, теряя всякие объективные оценки своего положения на Земле. От строительства и творения опускались к катастрофе, и хаосу, и разложению павших. И так настал тот день, когда стихия беспощадно смыла их в океан, оставив лишь подводные руины, наполненные грудой костей и законсервированных душ, а в мире – истинное человеконенавистническое наследие. Рабы их, древние люди, слу-

жили в качестве скота своим господам. Две расы – рабов и господ, первые и не думали роптать, ведь их господа – боги!

Дом их стоял под водой, а над головами лежал распростертый до горизонта океан, тихий и безмятежный, но таящий в себе смертельную опасность, пробудившийся однажды и смывший всю накопившуюся грязь.

Создания взбесились, мракобесие захватило их умы.

Но до этого, раз за разом, посланцы их выбирались на поверхность, принося дикарям свет и знания, но свет этот вскоре угас, а знания переродились в обыкновенные умения и опыт, пришельцы потеряли дар управлять, дар наставлять и учить светлому и доброму, превратившись в кровожадных озверевших созданий, и вместо этого уже несли свою желчь и алчность, разливая их везде, где можно.

И они, погрязшие во вражде, и вечных спорах, ничего не смогли сопоставить стихии, помимо того, как убить себя, заточив в бессмертные тела, данные им создателями, оставшись в безвыходном положении своем ждать того момента, когда земляне наберутся знаний самостоятельно и воскресят их, поднимут мертвых из гроба.

Эта история начинается с момента, когда пройдет почти столетие после самой великой, и самой роковой исторической находки человечества – руин мира кристаллов, а ныне – Золотого Человечества, которое, впоследствии, осуществит самый мерзкий и бесчеловечный план, придуманный безумными и расчетливыми людьми – оставить на Земле «Золотой миллиард» избранных, конечно же, себе подобных и равных.

Раскопки освещали все ведущие мировые СМИ в прямом эфире, столько празднеств прошло по городам в честь исторического момента, что уже никто и не вспомнит, сколько счастливых улыбок на них сверкало – никто и не вспомнит....

Когда на поверхность подняли белый обелиск, люди плакали от счастья, после же они рыдали от горя. Пустые разговоры об успешности кончились.

Часть 1. Чумной город богоподобного царя

Глава 1

Когда загадочный белый обелиск доставили на поверхность, это событие обернулось небывалой сенсацией, все только и говорили о пришельцах. Несколько десятилетий потребовалось ученым для полного изучения реликвий древности, после чего они с уверенностью заявили, что нашли "Атлантиду". Удивительно, как скор научный ум на выводы! О "дыре", которая вскрыла потерянный город, никто в мире и не знал, она была объектом наблюдения военных нескольких стран и проходила под секретными протоколами.

Обелиск достигал тридцати метров в высоту, имел четыре острые грани и кончался пиком, его состав оказался загадкой для ученых, по сути, обелиск являлся цельнокристаллической субстанцией, своего рода кристаллом процессора, только огромным. Характер кристаллической решетки обелиска был характерным и менялся к вершине, и явно был не природного происхождения, а напечатанный на особом инопланетном 3D принтере целиком. Ученые боялись повредить кристалл, т.к. считали, что он служил процессором для особой космической машины, для суперкомпьютера. Белый цвет обелиска поражал, когда через него пропускали ток, он светился бело-голубым. Сооружение не испускало никаких лишних волн, не проявляло самостоятельности, а энергию черпало лишь из искусственно созданной подмости. "Обелиск" сам по себе опасности не представлял, но он являлся не творением человеческих рук, а это уже вселяло страх и мистический трепет, вдруг «они» или нечто вернется на Землю?

Десятки философов уже писали статьи, книги о концепции обелисков в развитии, олицетворяя их с небоскребами и могуществом. Еще не создали такой технологии, чтобы подключить "Обелиск" к компьютеру и расшифровать содержимое, но ученые верили, что в нем хранятся инопланетные знания и всячески стремились к результатам. Не хватало такого компьютера и мозга, чтобы зажечь первую искру от того огня, который в древности называли знанием.

Восстановить скрижаль оказалось просто, нежели расшифровать могучий "Обелиск". Все вмести артефакты создавали своего рода систему оккультную и не до конца понимаемую «золотыми» людьми, систему погребального обряда, когда тело отбрасывали, словно ненужную одежду.

Казалось, что это была настоящая Атлантида, какой ее описывал Платон, но, увы, нашли ученые не Атлантиду, по крайней мере, не ту, в которую тысячелетиями верили и о которой слагали легенды и мифы. Подводный город, некогда являющийся цельным погружным комплексом, совершенно случайно затонул там, где его нашли, он мог совершать подводные и надводные путешествия, имел боевые турели, атомный реактор, заводы, фабрики, жилые комплексы, он был огромен и мог погружаться на дно океана, производя кислород из воды. Некрополь едва сохранился, купола его обросли илом и ракушками, его затянуло в морскую пучину, но внутренние культовые сооружения сохранились и оказались годными для изучения, например религиозные залы с костями, кристаллами и артефактами. Город назвали в честь могильника, который нашли подводники – "Некрополь", одно из названий. Всё что смогли поднять на поверхность, смогло толкнуть науку вперед, к примеру образцы квантовых компьютеров, принтеры для выращивания кристаллов и прочее, наработки в робототехнике и биоинженерии.

Предки не сумели передать через поколения всей правды о посещавших их высоких долгоживущих людях, ибо всей правды они и не знали. Не знали они и о катастрофе, а лишь догадывались о ней, ведь никто уж долго к ним ни приходил, и ни являлся. А свет, который успели

принести посланцы, сдвинул прогресс человечества с нулевой отметки, и через века откатил его к явно излишнему перенасыщению технологиями «будущего».

Воцарилась эра технократического общества. Не хватало только технократического бога. Человек утратил связь с природой, уничтожив на планете практически все запасы ресурсов, подорвал экологию и с полной уверенностью пожимал плоды своих извращенных творений, ничего не желая менять в себе.

Прогресс пришелся некстати, он опережал само развитие человека, как отдельного индивидуума, так и как божьего творения на Земле, коллективного и сплоченного, который должен был обладать определенным набором нравственных устоев и истин, примерно, на шесть столетий вперед. Но не обладал.

Человек, вел себя как ребенок, получивший коробку спичек, за которым никто не приглядывает. Он палил траву, и вместе с ней спалил сад, а затем и весь город, когда подул ветер и разнес пожар.

За это время люди уже приблизились к конечной стадии глобализации. Как показала статистика, 77,6 процентов землян оказались податливыми, которыми можно было легко управлять и крутить-вертеть их мыслями, как хотелось сильнейшим и влиятельнейшим людям планеты (они к этому и стремились несколько столетий). Им врали, внушали предрассудки ненависть друг к другу, все больше разделяя и срамливая между собой. Отдельные части человечества не могли договориться друг с другом в решении общих, фундаментальных проблем. Что вело к усугублению положения и дальнейшему упадку цивилизации. Но все выше сказанное лишь следствия.

Целые континенты голодали. От ненужного населения избавлялись, травя его наркотиками, алкоголем и табаком, лишая его всякой гигиены. Но то, казалось неоспоримо логичным и циничным, ведь огромная масса серого человечества не подпадала под понятие «выгодно». Мировое разделение труда при состоявшемся процессе глобализации лишило работы миллионы людей, разрушило экономики ряда отдельных стран, и население Земли оказалось перед огромной пропастью разделяющей низы этого общества и верхушки. Богатые богатели, бедные умирали. Богатым можно все, они могли купить себе даже индульгенцию, смывающую с рук кровь невинных. Бедным разрешалось лишь умирать, молча, чтоб не мешать богатым жить.

Толпа жила по понятиям, и судила по авторитетам, все ещё верила в суеверия, занимая ступень ненасытного загнанного скота, коверкающего вся и пачкающего все, к чему прикасалось. Человек стал потребителем во всех отношениях. На все он смотрел через призму потребителя, и на сей раз и голод его не облагородил!

Тотальный контроль за жизнью человека лишал его настоящей свободы и неприкосновенности личности.

Всех неугодных, и людей прозревших и вызывающих к разуму уничтожали, вычеркивая их из всемирной базы данных, затем они погибали, ведь даже поесть они не могли себе купить! Но оставались и независимые свободные островки стран, которые, все же в некоторой степени, зависели от мировой атмосферы, и сопротивлялись акту обесчеловечивания, как могли.

Вслед за глобализацией настала эра технократии. Машины и компьютеры захватили все ниши в общественной и социальной жизни. И так, все условия для развития пришельцев и для их восхождения на Олимп подготовили сами люди, которые, не понимая смысла жизни даже в общих чертах, все гнались за земными благами и нескончаемым богатством бездонного горшка. Неомещанство окутало умы урбанистов. Меньшинство жило и развивалось за счет нищего большинства.

Неомещанство исключало классовую борьбу, но создавало борьбу всех против всех за новый более высокий уровень потребления, своего рода приниженный, обыденный и опошленный социал-дарвинизм. Неомещанство проповедовало равенство между людьми, между

овцами и волками, равенство физическое, но между этим и неравенство в потреблении, в достатке, успешности, а соответственно, в борьбе всех против всех.

Эра религий заканчивалась, на смену ей запаздывала эра тотальной технократии, эра бесполезного человека, заменённого механическими созданиями, искусственными руками. Человеческий труд обесценился, машины научились даже создавать произведения искусства.

Христианство выродилось, за ним и другие монотеистические религии. Выродилась, но уродски все еще развивалась, религия потребления, религия капитализма – вера в бога денег, бога цифр и богатства. Потребитель превратился в главного бунтаря, не желающего отречься от своего потребления, от своей жажды пожирать и потреблять. Капитал из богатства превратился в проклятье. Потребление тормозило переход на новый социальный лад, ресурсный голод уже сказывался на производительных возможностях, даже на науке. Люди не могли совершить скачек, не могли преодолеть все трудности в создании механических рабов. Для перехода к новой стадии, требовался бог, требовалась революция цивилизации направленная именно на воцарение этого техногенного бога, созданного руками людей, требовалось подчинение ему, вера лишь в свою исключительную миссию продвижения технократического общества без самого человека. Многоклассовое общество по предписанию учений, становилось кастовым, социальный геноцид затрагивал все слои кроме священных – скачкообразный переход к Золотому миллиарду через голод, разруху, болезни, войны. Подготовленная для того новая религии ждала мессию, ждала пророка, нового Моисея, подхватившего их на руки и понесшего их по пустыне высохшей и обглоданной земле в края благодатные и зеленые. И конечно, главной идеей в извращенном ароморфозе капитализма, сердцевинной идеологии становилась идея о бесполезном человеке.

Мы выведем новое племя, родившееся в пустыне человеческой души, пусть человек скинется по ней, в поисках ни пищи, которую мы ему дадим, ни воды, которую мы ему дадим, а в поисках самого себя! – говорила религия.

– Человек, приблизится к божественной сущности лишь покорив техносферу, поставив ее на служение, только тогда человек приобретает неотъемлемое право свободы, тогда приобретает небывалое благо свободы от труда. Труд, независимый от человека рождает свободу, рождает достаток, – так гласили законы новой религии, этим законам учили нищих, бедняков и даже ученых, и те поверили. Жрецы обещали им мир без страданий, без ограничений, без голода.

– Нет труда, нет голода, – говорили они, – безудержная эксплуатация машины остановит крах нашей цивилизации, это непременно поднимет ее из пепла, воскресит в ней жизнь, и она, осилив новое, покончив со всем старым, возвеличит нас, сделает нас всемогущими, сильными – людьми будущего, людьми настоящего.

– Безработный пусть не ропщет – отсутствие труда, есть дар божий, есть освобождение от эксплуатации человека машиной. Свободен тот, кто безработился, – гласило учение отцов, но помимо вышесказанного, учение не гласило, и не собиралось разглагольствовать на подобные темы в общем русле, о том, где брать хлеба обнищавшим, в общей массе своей безработным и разложившимся в брожении и выживании, в погоне за подаванием и выгодой.

Газеты писали: "Ручной труд примитивен, и от него пришлось избавиться. Мы входим в царство изобилие, в царство божье на земле".

Жрецы религии вещали с трибун: "Просить подавания – грех, каждый должен в вере своей очиститься от греховного и низменного, от старинных устоев! Затянуть пояса свои и отказаться от потребления. Давать милостыню, быть сострадательным – худшее преступление против прогресса, против прогрессивного человечества! Каждому по вере своей необходимо привить и развить в душе принцип успешности без излишеств, без суеты, наполнить сердце свое счастьем и самодостаточностью. То, что служит целям твоим – угодно богу, ибо бог не создал

ни пустого, ни бесполезного в тебе. Твои инстинкты – искра божьей благодати, искра, с которой разгорится костер революции сознания и труда".

Взор обратился к новому.

Мертвых воскресили, и они выросли, словно рожь в поле, на благодатной почве. Повзрослев, заявили о своем исключительном праве на власть и управление, и эту власть с легкостью взяли, поддерживаемые толпой и народами, или теми, кто от них остался.

Ими было основано "Глобальное Правительство", возглавил которое сам Белый Император – Авв (за стеной города – Чумной Император после ее возвеличивания и строительства). Авв, пророк новой религии, обещал землянам рай, сытое и светлое будущее, ведь все предпосылки для этого имелись. Пришельцы подчинили себе все рычажки управления на 2/3 суши планеты. Ведь они оказались умнее, и как считалось, самыми честными созданиями! Без пороков, без лжи и лицемерия. Толпа одела их в наряды благодетелей, не успев даже опомниться, как эти самые наряды покраснели от их собственной крови. А старые церкви, в которые уже давно никто не ходил, пели на весь мир о судном дне, о появившемся на свет звере, но их уже никто не слушал, все были поглощены СМИ и новыми авторитетами, явившимися с того света. СМИ стали новым человеческим храмом, новой религией толпы! Настала эра светлых веков! Вот и пришел новый бог, поднятый на руках толпы и жречества к своему триумфу.

Да, Земля сильно изменилась после Липтикутского инцидента, после снесенной Флориды и "обнажения" подводного дна.

За восемь месяцев правительство истребило все население Земли под эгидой очищения её от бесполезных людей.

Рабочие места заняли роботы, что повлекло за собой массовую безработицу, которая увеличила и без того высокую преступность в разы. Общества взорвались насилием. Искусственно созданная гиперинфляция убила все имеющиеся средства у населения, превратив их в пыль. Перестали работать банки, заводы, фабрики, школы и больницы. Отключи свет и тепло. Продукты питания перестали поступать, продовольствие уничтожалось. Начались войны, недовольные создавали свои мелкие независимые государства, повстанцы боролись с правительственными войсками и полицией, не понимая, что они такие же несчастные, как и они. Подводная лодка тонула со всем экипажем, а члены его грызлись за лишний глоток воздуха! Но, как оказалось, поздно.

Города, пустыни, утопая в грязи и крови, нигде не нашлось такого уголка, куда бы не пробралась беда. Но, как говорится в старой и верной поговорке, беда не приходит одна.

Затем самолеты стали распылять особый бирюзовый порошок, от которого небо стало зеленым, на него поначалу никто не обращал внимания, не придавая ему ни малейшего значения, удивляясь лишь необычному цвету. О нет, это не был "День Триффидов"!

За, набиравшем огромные темпы, голодом последовала "чума", в одно мгновение скошившая все человечество. Не выжил никто, кроме тех, кто эту чуму распространил. За два месяца "Мировое Правительство" справилось с главной своей задачей – сокращением населения земли до нуля, и этого никто не мог сделать и за тысячу лет! "Чуму" называли – «Зеленая смерть». На скорую руку ученые, которые еще оставались в живых, выяснили, что это был неизвестный штамм бактерии, зараженной вирусом.

Так и истребили всех людей, за исключением жалкой кучки почти забытых городских дикарей, проживающих на Дне, в своего рода «чистилище», из которого никогда им не дано было вырваться.

Они не знали того, что происходит за стеной, они отчасти не помнили своего прошлого. Своему спасению невольные пленники обязаны случайному стечению обстоятельств и нежеланию высшей власти лишиться своего так горячо любимого зоопарка. Люди оказались пойманы и заточены в приют, где пробыли десять лет под опекой лицемеров, относившихся к ним как

к скоту. Родителей детей, которые выжили в котле закрытого города, сожгли, как и подобало всем еретикам новой эры.

Такова их судьба, вскоре исчезнуть вслед за своими предками. Но такова ли их судьба?

Потомство их рождалось жалким, как и в любом обществе деградирующих и угасающих людей, тем более людей запертых в консервной банке, но отнюдь не сумасшедших, вполне рассудительных и добрых. Доброта досталась им от природы, так же, как и коллективное чувство, которое спасало их от вражды и самоуничтожения. За несколько десятилетий сложился особый этнос, в котором равенство людей стало основным законом, спасающим от тирании и каждодневного кошмара. Практически исчезли ругательства, которым их никто не научил, ложь и лицемерие. Но не все хорошим казалось в их примитивном обществе, работали дикари за еду, в обязательном порядке выполняя установленный Высшим Правительством план, отдавая его как дань "Золотой Орде", как преподношение к трону. Итак, их мир – мир противоположный миру Золотого Человека.

Сама же "орда" внесла в их натуральное хозяйство деньги, с помощью которых и осуществлялась власть и тирания. С помощью двух механизмов – денег и обязательного труда Золотое Человечество и держало дикарей на привязи, как собак на цепи. То и есть – экономическая удавка, которую нельзя сорвать и выбросить – иначе голод и смерть! Принцип – нет труда, нет голода – на примитивные общества не распространялся, а отнюдь, труд являлся залогом выживания, но по сути, рабский, адский труд являлся и их погибелью, их чумой.

Деньги служили для них средством обмена труда на товар (и совсем не равноценным обменом). В самом же обществе Золотых людей деньги, как таковые, отсутствовали, ведь на них работала армия железных рабов в копиях и на фабриках, сокрытых глубоко под городом – в чертогах шеола.

Армия эта называлась «Механикой», и работала, за отсутствием каких-либо потребностей, круглосуточно, изготавливая на заказ все то, что пожелает человек. Поэтому Золотое Человечество жило не по средствам, истребив порядка семи миллиардов землян, забрало себе все достояние планеты безвозмездно. Деньги для них остались лишь музейными экспонатами, либо дорогими брелками, а сама дороговизна измерялась в редкости предмета и сложности его изготовления. Красота измерялась в количестве драгоценностей и золота на теле, хотя часть населения, точнее жителей непосредственно самого города, носили фрак и старинные платья, по старым традициям буржуазного европейского высшего общества. О, какой изысканный вкус! Но мода непрестанно менялась.

Пока нищие дикари голодали, богатые беззаботные, незнающие что есть какая-то нужда, веселились, вкушая всевозможные наслаждения и извращения, которые в их кругу за таковые и не считались, а приобретали характер нормы.

Для них не было ничего запрещенного, ничего аморального. Они не могли сравнить что есть хорошо и плохо, и дать своему выводу объективную оценку. Да если бы и дали – то с какой кстати они стали бы отказываться от таких благ? Если им хотелось съесть человека – они ели, если им хотелось устроить оргию – они её устраивали. Учение, саморазвитие у части населения отпало за ненужностью. Зачем трудиться, делать научные открытия, когда на тебя работает армада бездушных рабов? Роботы все за тебя сделают! А ты лишь веселись и гуляй!

Но оставалась закрытая каста, которая себя ограничивала в наслаждениях, которая непосредственно и управляла этим сложным миром. Этот круг людей, в отличие от городских бездельников, работал беспрестанно, осуществляя важные проекты по развитию, строительству, разработке полезных ископаемых и других жизненно необходимых вещей. Эта каста правителей не жила в городе, а возвышалась над всеми другими на высоте, где Солнце перестает иметь желтый цвет, там где нет атмосферы, и начинается космос – на корабле, построенного по последнему слову техники – "Андромеде", корабле похожем на галактику.

Что касается дикого населения, заключающего в себе чуть больше семи тысяч особей разного пола, писать из них умели единицы, они же умели и читать. Иногда читали всем вслух оставшиеся от прошлой цивилизации романы или поэмы, возрождая в угаснувших умах чувство прекрасного, возвращая их в то время, когда главной ценностью человека стала настоящая свобода, ограниченная лишь размером самой планеты. Сегодня же – стенами чужого огромного города, холодного безжизненного дна, служащего помойкой и канализацией мегаполиса стоящего наверху. Хотя многих слов никто не понимал, зато они хорошо улавливали смысл сих речей, эмоции слов.

В то время, когда золотое общество устраивало оргии на балах, и баловалось человеческим мясом дикарей, донные жители работали на каторге, которая обеспечивала их куском съестного. Работали за еду, и как дань, отдавая свой труд эксплуататорам взамен за жизнь, тем самым сокращая её в разы. Максимальный возраст донного жителя составлял – 40 лет, старше никого попросту не имелось. Высокая рождаемость пресекалась высокой смертностью, каждый год хоронили несколько детей, как казалось людям думающим – это экология (злой бог) отнимает у них будущее или это боги забирают у них младенцев ангельских.

Так и было отчасти. Жизнь на Дне, сродни жизни на помойке.

Хотя стена города являлась для них злым роком, покуда никто из них не знал, что она и спасла их от вымирания за её пределами, от войны, голода и болезни – злой рок, который нельзя было преодолеть человеческими силами.

Город пожрал всю разумную жизнь, высшие жители превратились в канныбалов, как духовных, так и физических.

Поедание мяса человека стало нормой, так, как они не причисляли себя к числу людей, вознося себя над видом человеческим, истинно веря в то, что рано или поздно избавятся от этих несовершенных и стареющих тел. Поедание низших – стало своего рода ритуалом, восполняющим молодость и жизнь.

Что касается духовного канныбализма, то часть Золотого Человечества неуклонно практиковала поедание богов на празднествах, пророков и лицедеёв истории, в качестве которых служили живые пойманные дикари со Дна.

На площади, каждый год готовилось распятие, которому подвергался несчастный.

Все эти празднества походили на беснование сумасшедших, на самом деле являлись ничем иным, как развлечением и получением наслаждения извращенных умов. Помимо распятия, практиковалось поджаривание живого ещё человека в утробе быка, которого доставили из музея вымершего города Европы и др.

Поедание внутренних органов богов, якобы придающим бессмертие и великую силу, напоминало ритуальное жертвоприношение своим бесам и демонам, по подобию гекатомб племени Майя.

На Дне же убийство себе подобного каралось изгнанием, что равносильно смерти.

С изгнанным не разрешалось разговаривать, передавать ему вещи, встречаться с ним, и впускать в город, дотрагиваться, человек становился неприкасаемым, и лишь тогда его могли убить, когда решался сам нарушить запреты.

На Дне оплакивали каждого убитого, каждого умершего, само существование, само бытие наполнялось трауром и трагичностью, а за каждый прожитый день благодарили «Все-вышнего».

– Смерть любого – великое горе, – говорили жители.

Имена, название самого рода Золотого Человечества произносить в слух возбранялось, слова эти звучали из уст как ругательства, на которые каждый готов был сплюнуть на пол, как об упоминание, о самом мерзком и грязном, что может быть на свете. И, конечно же, самым главным фактором, влияющим на запрет называть вслух имена высших, являлся страх. Страх и ненависть к Золотым людям вырастили в дикарях гордость и благородство архаичной души.

Люди на Дне забыли, что такое молиться, но каждый произносил либо шепотом, либо в уме успокаивающие молитвенные слова. Поэтому язычниками их назвать не поворачивался язык, и безбожниками тоже. Они верили в единого бога, которого золотые выродки сместили с положенного ему места на Земле, заменили собой. Они ничего не знали о нем, ни имени его, ни какой-либо теории или философского доказательства, дикари видели его как нечто, там за стеной, далекое прекрасное нечто, светлое и ясное, как само Солнце.

Главным их праздником стал праздник урожая, которого то и не было. Урожай – условность, что означало обычно – отсутствие голода и жизнь младенцев.

Пророков, как Моисей, из Древнего Египта в их племени не рождалось, и некому было их вывести на сорокалетние скитания в пустыню (за стену), не находилось и гениев, ученых, но находились золотые руки инженеров самоучек, наемников и воров, которые доставляли необходимое оборудование, либо охраняли челноки торговцев своего либо чужого (второго) поселения на Дне. А их оказалось предостаточно, чтобы заменить любого пророка и героя.

Само Дно, было таким огромным, что его можно запросто сравнить к пустыней Гоби в миниатюре, хотя по сложности и опасности его пересечения мало чем отличалось.

Для путешествий по Дну, существовали знающие люди, проводники, имеющие оружие и разрешение беспрепятственно покидать, либо заходить в поселения минуя охрану и всякую проверку.

Опасности путешествий объяснялись отсутствием на десятках километрах еды, воды; опасностью – отравленными зонами, запрещенными зонами, где могли просто расстрелять пулеметные вышки, сложностью местности (лабиринты, перегоны, перекаты); автомагистрали, пути составов, магистрали энергии, и конечно же появляющиеся на Дне охотники за головами из города. Но на этом опасности не заканчивались, многая местность пересекалась через старое метро, где опасность возрастала, Дозорные роботы вели поисковые работы, словно стая опричников, фанатично выполняя приказы своего руководства, и самой опасной бедой, какая могла случиться на Дне – являлось бесследное исчезновение его жителей, с передовых аванпостов, караванов, которые плохо охранялись, зазевавшихся жителей, которые зашли слишком далеко или отбились от группы.

Никто не знал, кто крадет людей, никто не знал что с ними, и где они, словно их крали тени, и уносили в свой подземный мир навеки, словно неуловимый царь Аид крал несчастных на свое чудовищное торжество, унеся на гриве Авгиевых коней в свое подземное царство.

Поэтому, в последние годы, поселения усилили охрану и ввели запрет на выход из лагеря. Ходили слухи, что Высшие иногда запускали на Дно монстров.

К поселению дикарей мы ещё вернемся, так и вернемся к подробному их описанию, и перенесемся к кирпичной черной стене, которая уходила трубой к небу. На ней не зияло окон, не виднелось и дверей, за исключением всего одной – в которую вводили узников, и из которой их, как показывала практика, никогда не выводили. Внизу, в подвальных помещениях находился крематорий для сожжения трупов.

За этой стеной находилась секретная тюрьма – цитадель, заключающая в себе неугодных власти людишек, которых они прозвали "тараканами", так как те ползали у них под полом.

Мятежники, бунтари и опасные личности доживали в стенах свой век. Многие умирали от болезней, некоторые от пыток, инструмент для их осуществления по приказу Императора свезли из всех уголков разрушенного мира. Эта тюрьма предназначалась только для жителей Дна.

И вот, спустя почти двадцать лет после её строительства в ней остался лишь один заключенный, который распрощался со светом ещё девять лет назад.

Узник казался ещё не старым, но уж и не молодым, после столь долгого заключения, когда максимум на что хватало других – это пять лет, он сохранял поразительную стойкость,

чем и привлек к себе внимание самого опасного и самого кровожадного создания в истории человечества, стоящего за Императором – его жены, Беллатрисы.

Тяжелые монотонные шаги разбудили заключенного. Шаги приближались к убогой сырой камере, стены которой покрылись густой плесенью.

Шаги вскоре стали слышны в конце коридора совсем отчетливо.

Время в этой камере не имело никакого значения. Оно исчезало за решеткой, превращаясь в неаккуратно выцарапанные ногтями палочки, которых раскинулось по стенам бесчисленным множеством. Оно превратилось в шаги за решеткой, которые разбудили узника, томящегося в углу.

Заключенный лениво повернулся с отекавшего бока на другой, выйдя из задумчивости, вновь почувствовал под собой сырость и холод камня.

Его лицо обросло черной густой бородой, ногти потрескались, собрав под себя всю грязь подземелья, одежда его обветшала, а тело то и дело покрывалось гнойными язвами. Когда он спал, то отправлялся в иной мир, который находился за стенами, мысленно изучал его, рос вместе с ним. Узник строил его в своем сознании, как настоящий прораб самих Пирамид Гизы, мир абсолютно не отличный от реального.

Озноб пробил все тело, рука протянулась к стене намереваясь оставить отметку.

– Ещё один день, пора... – прохрипел узник, чувство времени стало интуитивным, – наступит пора, и меня вынесут из этой могилы в настоящую.

Единственный хозяин этой камеры боялся лишь упустить счет. Каждый раз, как отворялась входная металлическая дверь в темницу, он вздрагивал, просыпался и царапал грязным ногтем по штукатурке. Хотя поверхность стен была мягкой, и песчаной, за ней пряталась непробиваемая графитовая стена, которая ни градуса не выпускала наружу, и также не впускала в себя ни холода, ни жары, поэтому в темнице царил погребной холод и сырость, которая мало-помалу превращала его легкие в болезненное решето.

Свет в темницу приносили редко, когда узники сами просили об этом, но это случалось так давно. Единственным органом чувств оставалась кожа, особо чувствительная на кончиках пальцев, которые острожники берегли с нещадным фанатизмом. Узник мог ослепнуть от темноты.

Но узник не ослеп.

Бедняга прозяб, ощупал царапины на стене и сильнее укутался в свое тряпье, которое раньше служило ему одеждой, пробурчав себе под нос несвязные фразы, прислушался. Его глаза привыкли к отсутствию света, его дыхание казалось судорожным и болезненным – сырость доставляла ему адские мучения, по средствам сухого кашля, грибка и язв.

Острожник никогда не думал бежать – это невозможно. Единственный выход вел наверх, туда, откуда его привели. Лифт спускался лишь иногда, но никто никогда не посещал его, заключенный всячески старался отогнать от себя мысли о том, что его закрыли навсегда, бросили гнить в сырости и темноте, слышать постоянный шелест тараканьих лап у себя над головой. Выход, не зная усталости, стерег автоматический пулемет, который в отличии от преторианского стража, никогда не дремал.

Ему казалось, ещё немного, и он заболеет – и это окажется его последняя болезнь, тогда он умрет, тогда все закончится. Его мертвого скинут в яму, закрыв за ним крышку мусорной шахты, и тогда, его острог опустеет навсегда, его даже не сожгут, его даже не оденут в погребальную одежду. Никаких почестей, никаких гостей на похоронах.

Но им давали такие мощные лекарства, после которых хотелось жить, которые придавали сил на месяцы вперед. Зачем? Что бы продлить мучения? Лучше бы его тело обглодали голодные крысы, там внизу.

Узник все ещё помнил те незнакомые голоса и стоны, эхом долетающие до его камеры, откуда-то сверху, через маленькое отверстие вентиляции – из комнаты пыток. Огромного длинного зала, уставленного орудиями агонии и извращенных человеческих умов.

В этот зал его вводили не раз.

Его так сильно мучила тоска, что единственная надежда на освобождение для него была смерть. Тоска приходила судорогами, то обострялась, то утихала.

Когда заключенный впервые ощутил голыми ступнями холод каменного пола, он понял, что останется в этой камере, три на три метра, навсегда. Тогда вся его душа опустилась куда-то в ноги, он поник, ведь его вид мог жить не одно столетие, а эти столетия могли превратиться для него в один сплошной бесконечный кошмар.

Он часто плакал, тогда его пугали стоны и вздохи, доносившиеся до его слуха, крики агонии прекратились, замолчали голоса, сейчас же его пугала тишина, и едва слышные шаги за решеткой.

Человек не заслуживает такого отвержения обществом, не заслуживает всех тех страданий, которые на него обрушились. По крайней мере, он так думал про себя.

Его же народ воздал ему сполна, поставив его на одну черту с ужаснейшими преступниками и обрушив на него земную кару – погребение в темнице заживо.

Власть сжимала в тиски и ломала любого, кто вставал против неё, кто бы мог осмелиться изменить каноны уродливой нравственности, законы сильнейших. И кем бы ни был человек – он являлся лишь гостем перед всемогущим кланом всемирных убийц и пожирателей.

Только внизу заключенный чувствовал себя в безопасности, когда ещё он был свободен, и волен определять свои действия сам.

Кормили его несносными объедками, иногда просто забывая о нем, оставляя голодным, заставляя его желудок переваривать самого себя.

Фигуры приблизились совсем близко, так близко, что заключенный смог разобрать шум за решеткой. Он напряг слух, и уловил едва уловимое перебирание ног, словно кто-то кошачьей походкой шел рядом с тяжелым тюремщиком.

– Солдаты, – подумал он, – неужели мне все-таки казнят... – он бы не удивился, если его уложили на стол и ввели смертельную инъекцию, или изрешетили пулями, он удивился, если его отпустили, что было невозможно, по его представлению – тогда бы он сошел с ума.

Дверь камеры скрипнула, в неё вошли трое существ.

Заключенный не мог уловить их слов, того, как они переговариваются между собой, но он догадывался, что единственная тема для разговора – он.

– Как долго он здесь провел? – спросил солдат.

– По земным меркам – восемь лет, четыре месяца, пять недель, тринадцать часов, тридцать пять минут, – ответил тюремщик, – этот крепкий орешек, которого мы так и не раскололи, молчит.

– Нам приказано его забрать отсюда, мы его уведем наверх, – констатировал старший по званию солдат, по-видимому, сержант.

– Забираете у меня единственно заключенного? – расстроился тюремщик, – тогда я остаюсь один в этих стенах и ухожу в спячку.

– Прикажете ему подняться, – приказал сержант.

– Заключенный №231, поднимите голову и руки вверх для осмотра. Встаньте, – сказал тюремщик во весь звенящий голос.

Человек болезненно откашлялся, поднялся на корточки, и качаясь, встал на худые костлявые ноги, вытянул руки вверх.

– Можете его забрать, он чист, – констатировал служащий.

– Болезни, грибки? – спросил солдат.

– Нет, все чисто, мы проводили дезинфекцию четыре месяца назад.

– Сэр, нам приказано доставить вас в другое место.

– Меня казнят? – удивился человек, от звонких голосов гудел воздух.

Солдат не ответил, а только обошел заключенного, и захлопнул наручники за его спиной.

– Идемте, – он подтолкнул его вперед.

– Сколько я провел в этой норе? – обратился он к солдату, выходя их камеры, – она стала мне домом.

Когда на них, упал свет, позволив разглядеть все вокруг, он понял, что его окружают императорские гвардейцы – дела были куда хуже паршивых. Черные графитовые стены сохраняли подвальную прохладу, скрипнула входная металлическая дверь, словно её не открывали тысячелетиями.

– Так вы гвардейцы, и как я догадался, нам наверх? Во дворец? Вы же оттуда пришли. Как вы это сделаете, пустите мне пулю в лоб, или электрический стул? Как вы убьете меня? Казните публично, чтобы эти твари упивались видом моей крови и криками?

– Вы были в заключении менее чем восемь лет, сэр, точнее восемь лет, четыре месяца, пять недель, тринадцать часов – это не так много по земным меркам, хотя составляет почти половину половины человеческой жизни. Вы уже стары. Ваша жизнь не в наших руках, но когда мы рядом, с вами ничего не случится. У нас приказ.

– Ошибся на три дня... О, знали бы вы кто я... за два десятка лет, никто так и не додумался проверить мой мозг, тогда бы вы не так со мной церемонились, тогда бы я просидел в ней ровно три дня, ровно настолько, насколько ошибся, а затем – окончательная смерть, – подумал заключенный, – пить, меня мучает жажда, смилуйтесь, подайте мне глоток воды...

– Позже, сэр – ответил сержант, – у нас с собой нет воды.

Человек был ещё очень молод, сейчас эту молодость скрывало обросшее бородой лицо, его медленно повели по незнакомым темным коридорам наверх, к яркому свету. Затем для него настала долгая темнота, одиночество в мучительном заключении, и он уже забыл, каким был мир вокруг.

Над городом светило знойное солнце, такое яркое, которое светит в последние теплые дни уходящей осени. Казалось, такого солнца полного и живого он не видел целый век. Хотя он давно отвык от поверхности и света, обитая во мраке уличных подворотен, грязных, и наполненных ядовитыми нечистотами, все же солнечный свет его обрадовал, и причинял нестерпимую жгучую боль. И если бы ему предстояло прожить ещё несколько десятков лет, то он не забыл бы присущего этому времени тайного очарования и трепета, но к несчастью, у него не было ни десятка лет, ни даже пару дней. Все его чувства смешались, остались лишь страх перед неизвестностью и голодная пустота в душе.

Путь оказался куда длиннее, чем он себе представлял. Гвардейцы молчали, Тишину нарушило лишь его прерывистое дыхание и шарканье грязных пяток о сверкающую чистую плитку под ногами.

– Вы, машины, даже представить себе не можете, как я рад своей будущей смерти, – человек горько ухмыльнулся, что заметили солдаты.

– Вы не умрете, – заговорил до этого молчавший солдат, младший по званию, – по крайней мере, не сейчас.

Даже по ступенькам гвардейцы двигались бесшумно, словно их и не было вовсе, и даже ему, обладавшему невероятным обаянием и слухом, было сложно определить их местоположение у себя за спиной. Его ослепляли вспышки света, пробивающегося из небольших окон нижних этажей. Заключенный прижмурился.

– Неужели свет бывает таким теплым? – ухмыльнулся он, его знобило от волнения и ожидания чего-то великолепного и ослепительного.

Никому не известный человек, чья личность претерпела столь много перевоплощений за последние прошедшие десятилетия, в тот момент не ждал чей-то помощи, а отнюдь, испытывал

мучительное ожидание, которое помогало ему смиренно идти туда, куда вели его, возможно, убийцы, возможно, будущие мучители его плоти и души.

– Если не умирать, но что тогда, жить? Разве жизнь в камере можно назвать жизнью разумного существа? Вы ведете меня на пытки? А я и так достаточно пострадал за последние годы! Я больше не выдержу вывернутых суставов и переломанных костей...

– Мы не можем обещать вам безопасность, сэр, это всего лишь наша работа. Ваша жизнь в других руках.

– В чьих же? – заключенный задумался, ему на ум пришли знакомые руки, от которых бросало в дрожь.

– Вы скоро узнаете. Как ваше имя? – спросил сержант, интуитивно меняя тон на более доброжелательный.

– У меня его попросту нет, я его потерял... Еще очень давно, меня толком то и не называли, то одно, то другое, так я себе его не приобрел, а у вас, у машин есть имена? Вы умеете думать, как я понял, за последние годы роботы существенно превзошли мои ожидания.

– Увы, в этом мы с вами похожи, у нас есть только номера, имена нам чужды, но не чужды чувства и сострадание машин, конечно, ещё примитивные, наш мозг приближен к человеческому, но уступает ему, а разум коллективный, он абстрактен и неиндивидуален. Мы мыслим категориями и сравнениями. Наш создатель сделал нас обходительными, как палачей.

Узник чувствовал, как шаг за шагом уходит его жизнь, словно утекает вода, сквозь пальца. Пленник в нерешительности сбавил шаг, увидев дверь лифта в конце коридора, но его протолкнули вперед.

– Не бойтесь, идемте, – солдат завидел нерешительность человека, – там нет ничего страшного.

На глаза натянули тугую повязку, железная рука скользнула по спине, вдоль позвоночника к ногам, в поиске оружия. Затем та же рука вытащила из штанины небольшую стеклянную заточку и положила на белоснежную мраморную плитку.

– Запрещенное, – воскликнул гвардеец, но уже металлическим голосом.

Человек тяжело вздохнул, ощутив потерю, так горячо любимого холодного предмета, но предпочел выкинуть горечь утраты из головы и сосредоточиться на хороших воспоминаниях, стараясь не обращать внимания на творившейся с ним кошмар. Он стал отстраненным, пережил страх.

И сейчас его, последнего из первых, вели к врагам надеясь лишить жизни и покоя.

Его губы шептали молитву, а жажда быстрой смерти переполняла горло. Худшим вариантом для него было провести остаток жизни за решеткой, подвергаясь невыносимым мучениям и истязаниям, унижению и голоду.

Пленник помнил о том, что Золотые Люди не гнушались пытками, тем более пытками над жителями Дна, не считавшихся людьми. Для них они являлись только говорящим мусором, о котором, в связи его отдаленности от района горожан, никто практически не знал. Тем более никто не знал, кто он есть на самом деле, а иногда ему казалось, даже не знает он сам, словно его никогда и не было, словно это была чья-то больная фантазия.

Для избранных счастливиц, которым удосужилось в свое время позабавиться над несчастными пленниками, было увлекательным занятие подобного рода, когда приходилось выжигать плоть и глаза, словно насекомым обжигая крылья и конечности, испытывая при этом радость, граничащую с любопытством. Интерес усиливали наркотики. Они искренне полюбили это делать, и иногда тосковали об ушедших возможностях. Люди тосковали о том, что не осталось тех, кого можно было бы пристрастно мучить древними орудиями инквизиции, которые придумали ещё в древности. После этого они могли спокойно заварить себе кофе, либо лечь спать, как ни в чем не бывало. Система породила жестоких циников извращенцев, наделенных сверхинтеллектом.

Пленник не раз слышал о казематах, их существование держалось в тайне даже от самых близких приближенных Императора, но от его тонкого слуха и пытливого ума, подобные мифы ускользнуть никак не могли. Но он жил в камере одиночке, но и не раз слышал человеческие вопли, видимо ему была удостоена иная судьба.

Как долго он провел наверху? В этот, заключенный не видел знакомой площади, и знакомой архитектуры города – это означало то, что его ведут совсем в другое место – во дворец. Это его напугало ещё больше. Лучше вниз в подвалы, чем в логово зла.

– Неужели меня раскрыли? – подумал он, закусив потрескавшуюся губу, – столько лет молчали, и все поняли? Но как? Этого не может быть.

Убежать от закаленной и молниеносной охраны самого Императорского Дворца не представлялось возможным, ему в мгновение ока сломали бы хребет.

Человек облизнул зубы сухим языком и оскалился от холодного потока воздуха, вырвавшегося из открытого люка.

– Что происходит? – поинтересовался он.

Не дав ему опомниться, его быстро посадили в кресло, замкнули на руках наручники и хорошо притянули ремнями, как самого опасного преступника столетия. Не хватало лишь намордника и прочных цепей на ногах. Его мучила жажда.

– Можно воды? Очень хочу пить.

Гвардеец поднес к его губам воды, и позволил сделать несколько глотков.

– Хватит, – убрал он в сторону бутылку.

– Спасибо. Куда меня везут?

– Наверх, а теперь потерпи, – солдат достал из коробочки шприц с жидкостью и резким движением ввел препарат заключенному.

Головной мозг пленника озарила вспышка, словно ему под кожу впрыснули смерть электрического тока с адреналином. Его закружило, легкие отказали, застыв на глубоком вздохе, но все же дышали.

– Мы на месте, сэр. Мы ввели вам инъекцию, чтобы вы легко перенесли взлет на орбиту. Теперь действие его проходит. Солдат достал второй шприц.

– Не надо, – выдал из себя пленник.

– Нет-нет, это адреналин, он приведет вас в прежнее состояние.

После укола, ему стало лучше, пространство перестало давить на него. Сердечный ритм пришел в норму.

Да, пленник на самом деле являлся самым опасным преступником, самым неуловимым террористом, оставшимся от самой могущественной и самой известной группировки повстанцев на Дне, уничтоженной несколько лет назад.

Его подвела роковая ошибка. Их братство кануло в никуда из-за предательства. Их Счастливое будущее исчезло ещё на горизонте, оставив лишь несбывшиеся желания и белый дым надежд. Их символ перестать сиять и был забыт навсегда.

Пленник очень давно знал того человека, а точнее – ту женщину, которая боялась его до истерики, до дрожи в коленях, и которая уже сейчас с нетерпением ждала его, но и представить себе не могла, что не узнает его.

А боялась его сама Императрица Беллатриса, всегда умевшая плести интриги за спиной своего ещё более могущественного мужа. Её любовники имели связи в любых слоях общества, Императрица всегда была столь хитра, что даже высокопоставленный муж не догадывался о её связях на стороне, хотя подозревал жену в ведении своей политической игры. Усомниться в её верности и преданности он не мог, во-первых, из-за предубеждений, а во-вторых, из-за своего наивысшего статуса публичной власти.

Внешностью Императрица напоминала дьяволицу, выползшую из утроба ада. Её демонический взгляд зеленных глаз мог ввести в гипноз и подчинить волю любого смертного, пусть даже самого сильного.

Прошло ещё несколько минут после посадки машины, от перегрузки его не тошнило, но сделалось душно и не комфортно, когда действие препарата прошло.

С корабля пленника подняли в палаты дворца, парившего над городом в экзосфере, в тысячи километров от Земли. Пленник давно не разговаривал с людьми высшего сорта, сейчас уже живущими так высоко – с захватчиками, возомнившими себя богами, вернувшимися из древности. И вот судьба представила ему возможность насладиться их дурманящим голосом сполна...

"Андромеда" всегда являлась гарантом стабильности власти "Золотого Человечества".

Они зашли в лифт, и благополучно поднялись, зашагали вперед. Человек шел поначалу спокойно и старался делать вид непринужденный, но с каждым шагом его волнение увеличивалось, а сердце начинало бешено колотиться в груди, готовясь вырваться из грудной клетки вон.

С глаз пленника сорвали повязку, и, держа крепко под руки, грязного завели в спальные апартаменты дьяволицы, с чего и начался его первый танец со смертью.

Комнату наполняли произведения искусства самых известнейших на то время и давно умерших творцов и художников, в воздухе витали великолепные запахи духов, они кружили голову несчастному. Спальня Императрицы являлась эталоном роскоши всех времен и народов, а теперь всего одного народа поработителя. В углу стояла огромная китайская ваза.

По центру комнаты располагалось императорское ложе, усыпанное драгоценными камнями и золотыми украшениями. В бархатной изумительной коробочке, на пьедестале лежал перстень с сияющим чёрным алмазом – знак власти Императорской семьи и принадлежность к белому роду кристаллов. Перстень заворожил пленника, схватил его взгляд и притянул к себе в объятия.

Ходили поверья, что кристаллы на перстнях высшей знати – это не что иное, как сырье, из которого создали кристаллических паразитов, внедряемых в мозг разумного существа. Но кто их создал, и зачем пленник не знал, либо забыл. Возможно, монолит являлся кометой, упавшей когда-то на Землю. Хотя, кто знает... Может быть они всего лишь инопланетяне.

Кристалл шептался с ним, дурманя разум. Несомненно, он был живим.

– Видимо, Эдвард тебе понравился, – донеслось из другого конца комнаты, откуда, отбросив шторы, вышла обнаженная Императрица, скрывавшаяся все это время в тени, и наблюдая со стороны за поведением своего подневольного гостя.

Её бедра были не сравнимы ни с чьими, её груди наполняла горячая кровь, а глаза излучали демонический и ядовитый яд, но такой манящий и дурманящий. Её эротично обвивала золотая туника.

– Убейте, если это насекомое скажет хоть слово, – приказала Императрица гвардейцам, – ну что же, неуловимый мститель, Все-таки попался? – она истерически засмеялась и подняла вверх бокал со столика, наполненный вином и кровью, затем поднесла к губам и отпила.

– Вино и кровь невинных. Затем поднял крышку чаши, достала из неё глазное яблоко человека и, смакуя, проглотила.

Отпив вина, Императрица протянула бокал пленнику, и проводя большим пальцем по своей сочной груди промолвила игриво и тихо, – хочешь меня?

Пленник испуганно отвёл взгляд от обнаженного тела, его сердце бешено забилося, а в кровь проникла пьянящая страсть, окутывая разум непроницаемой пеленой. Но он Все-таки продержался некоторое время, не поддаваясь гипнозу, но его сломал все тот же черный кристалл, безмолвно взирающий на него со своей, уже, второй роли в разыгранном спектакле.

– Эдвард, Эдвард, – доносилось у него в голове. Эдвард звал его. Манил в темноту. Злой предмет, отражающий сущность своей хозяйки тянул пленника в трясины, в черный туман. Жажда усилилась, становясь нестерпимой, ему захотелось крови.

– Иди ко мне, возьми меня! Я знаю кто ты, я знаю...

– Пей, пей же! – Императрица схватила пленника за скулы, и открыв рот влила содержимое бокала в рот пленнику. Того стошнило.

Императрица подступила совсем близко, и её локоны опустились на плечи узника, и только тогда он разглядел в небывалой красоте морщины – знак увядающей молодости и испугался. Нет ничего страшнее умирающего монстра.

Её руки скользили по телу пленника, заставляя мышцы содрогаться. Её губы коснулись его губ, и пленник поник.

– Так-то лучше, мой маленький бунтарь! Ты создал нам очень много проблем, и тебя приказано казнить, но... – Беллатриса выдержала паузу, – я прониклась любовью к тебе, и дарю тебе жизнь, при одном очень удобном для меня условии, – её губы нашептывали гипнотическим сладким голосом, от которого человек не мог отказаться.

Беллатриса протянула руку охраннику, в которую тот незамедлительно вложил свернутый вчетверо лист бумаги, после чего она сама вложила его в карман покоренного раба.

– Ты должен убить Её! – зашипела Беллатриса, хлопнув на руке пленника браслет, после чего, сверкнув глазами, чуть ли ни прыжком отскочила в сторону.

– Сделай все в срок! До того момента, как ты умрешь!

Человек ощутил холодный предмет на руке, от чего ненадолго пришел в себя и растерянно заморгал.

– Из тебя получится отличный любовник, мой милый, если ты все же останешься в живых, но перед этим тебя все же следует хорошенько отмыть! До встречи, – затем, взмахом руки Беллатриса приказала, – увести!

Незаметно от Императрицы, взгляд человека прояснился, а на уголке губ проявилась довольная и хитрая улыбка.

Так начался его первый танец со смертью.

Глава 2

Дворец, находящийся неподалеку за Плаза Жизни Андромеды, и был построен незадолго до въезда в него императорской семьи и приближенных.

В него внесли все самое роскошное и лучшее, все самое отборное и желанное, что смогли собрать с руин людской цивилизации.

Разграбление осуществлялось совершенно безнаказанно, людей почти не осталось, и на пустынных улицах не кому было защищать сокровища искусства, особенно если расхищением занималась сама лидирующая власть. Некому было защищать дома от мародерства и грабежа. На какой-то промежуток мир превратился в хаос, а затем замолчал навсегда, и не без чей-то помощи свыше.

После того, как стена замкнула город, изолировав его от факторов внешней среды, Император почувствовал себя в тесноте и ему для душевного спокойствия потребовалось созерцание своего неделимого единого царства под названием Земля с самой максимальной высоты. А с годами Император становился ненасытен и алчен, настолько, что одной планеты ему оказалось мало.

Тронный зал вел на открытую террасу, с которой открывался поистине невообразимо красивый вид голубой планеты. Император мог часами созерцать облака, моря или огни единственного оставшегося города – его собственности.

Правитель был уже стар, и силы покидали его, от чего все вокруг готовились ко дню нового Возрождения династии, на котором Император и его свита, задолго жаждала предстать в новом божественном обличье.

Всё было отточено до идеала. Все рычаги воздействия на массу проверены, все винтики смазаны, но за одним большим исключением, которое и встало костью в горле главного демона.

А главной причиной для беспокойства являлась она – его жена, водящая его за нос. Все его попытки поймать её за хвост проваливались, и она всегда выходила сухой из воды. И ему, несчастному, приходилось принимать её чистой и бескорыстной.

Но помимо жены блудницы, у Императора была ещё одна проблема, которая расстраивала его ничуть не меньше – его сын.

Более всего Император любил рассуждать – эти рассуждения, как ему казалось, связывали его с прошлым, с великими знаниями, какими он владел раньше, до своей смерти, и владеет сейчас – его осознанность собственного Я, его самоопределение, как личности.

– Жизнь не настолько проста, как с первого взгляда может показаться – она сложна, многогранна, и по мне, нет на свете очевидных ответов, даже казалось бы на очевидные вопросы. Мы – боги, сверхчеловеки, не ведаем сострадания, мы не ведаем горя, боли, смерти, все человеческие слабости нам чужды, мы и пороки их превратили в наши лучшие качества. На трон мироздания воссел индивидуум, в центр же мироздания встал – тот самый "Я" – личность, индивидуальность разума, мысли и интеллекта. Воцарилось "Я" превознесенное над "Мы".

А ведь существовала религия созерцания. Существовало счастье созерцания, никаких сует, несчастий и страданий – только гармония.

Хотелось бы и мне созерцать и позабыть обо всем. Уйти от проблем, но от себя не убежишь, необходимо менять собственную сущность, и тогда созерцать блаженно. Но я не стал, и так хорошо, не время отрешаться от борьбы, от власти!

Что же такое бытие? Бытие – это наша власть, когда мы решаем – кому быть, а кому нет!

Жизнь – есть борьба противоположностей – антагонизм сущности, это Я говорю, это мои слова вам, о, ушедшие! И вы проиграли эту борьбу, без трагедии проиграли вы её, без триумфа, скоропостижно и безмолвно!

Человек перестал сопротивляться чувству долга, чувство близкой гибели же сменилось чувством к будущему счастью, сладострастием счастья, которого у него нет, но будет – так он предполагал.

Задумавшись, Император произнес громогласно:

– Приведите мне его, – могущественно скомандовал властитель искусственному телохранителю, и через несколько минут дверь парадного входа распахнулась, – у меня свой путь.

– Да, мой Лорд, – склонился перед ним вошедший худой человек. Его кожа имела белый оттенок, его сухие обессиленные мускулы скрывала темная вуаль, а от бывшего здорового тела не осталось и следа. Глаза его наполняла борьба с болезнью.

– Есть для тебя задание, видимо ты уже оправился от недуга, – обратился к нему Император.

– Ты же знаешь, что от такого недуга, отец, не оправляются так быстро, – огрызнулся вошедший.

– Что не даёт тебе права дерзить мне, – грозно подхватил Император.

– Да отец, чувствую свою вину, – юный парень виновато опустил голову, и случайно заметил на черном лакированном ботинке Императора микроскопическую пылинку, которую могло уловить только самое острое зрение. Пылинка нагло красовалась на носке, раздражая юношу, у которого разгорался маниакальный приступ. Парень элегантно движением достал из кармана шелковый платок, и не обращая внимания на удивленного Императора, подполз к тропу и смахнул пылинку с ботинка, небрежно оставив красующийся жирный отпечаток пальца.

– Встань же с колен, выпрямись! – спина юноши со скрипом разогнулась, и он встал в полный рост, а сам Император, смущенный выходкой юноши, засуетился, но вскоре успокоился.

– Мы ищем лекарство... Черт возьми! Ты думаешь мы не ищем? Это особый случай! Год от года, наши попытки не прекращаются! Лучшие ученые работают над этим! А ты все вытираешь мои ботинки, как слизняк какой-то! Хотя доля разума в тебе осталась? Или ты и меня хочешь свести с ума? Я был непоколебим! Путь наверх, к трону был очень тяжел и требовал чрезвычайного сосредоточения, и ничего не помогло вывести меня, и нас из равновесия! Но твоя болезнь убьет и меня, – Император огорченно вздохнул, – я стал стар... Тебя ещё не было здесь, когда все началось.

– Искать лекарство бесполезно, ты же знаешь! Времени не осталось. Мы уже не раз говорили на эту тему, – юноша развел руками, с силой хлопнув в ладоши, от чего Император подскочил на троне, никак не ожидавший очередной выходки юноши.

– И куда подевался тот самый мальчик, которого я помню? – Император сделал ударение на «тот» мальчик, и обронил руку на свою щеку.

– Его больше нет, отец! Он растворился во мне – он умер, отец! Рак – это не дар, не комедия, не повод для насмешек! Не повод врать и давать надежду обреченному! Тысячи лет я жил, как и все, и только умирая, я понял свою никчемность, всем плевать на меня, всему миру нет дела до тебя, когда ты умираешь, когда ты не существуешь! Как и мне на всех уже наплевать, и на все, на всю нашу жизнь, мне ставшую непонятной... Надежду я давно оставил, она сменилась злобой и ненавистью ко всему, даже к самому себе.

– Нет! Все не так! Никто не смеется, я не для этого тебя позвал, не для унижения – с тебя довольно. Найдется одно дело. Хочу, чтоб ты не чувствовал себя мертвым, заинтересован? – Император встал.

– Да, мой Лорд, – ответил юноша, вновь смиренно опустившись на колени.

– Отлично! Тогда ты отправляешься в город, к транспортной артерии Аэропорта. Знаешь где это? Должно быть знаешь! На тебе лежит ответственное задание сопровождать некий

ценный груз. Иди! Больше тебе знать не положено, – закончил Император, – мы вернемся к разговору, когда ты выполнишь поручение...

– Да, мой Лорд, – юноша, пятясь назад, удалился, не рискуя задавать вопросы.

Император задумчиво уселся на троне.

Появилась Императрица.

– Так-так, блудный сын вернулся? – ухмыльнулась она.

– Ты подслушала?

– Даже у стен есть уши, мой дорогой, – она ехидно улыбнулась.

– Бестия! – вскрикнул Император.

– Ты же знаешь, что я твоя бестия, – она коснулась его горячей взволнованной головы руками, и поцеловала.

– У тебя же нет от меня секретов?

– Разве их утаишь? – раздосадовано ответил он.

– Куда ты отправил его? – она закусил верхнюю губу от любопытства.

– Пустяки, нашёл ему занятие, а то умрет от скуки, городской воздух пойдёт ему на пользу.

– А что за груз?

– Всякий хлам, важности придаёт ему лишь мой приказ сопровождать его, – соврал Император.

– Ты не станешь обманывать меня?

– Нет, – непоколебимо ответил он.

Она отступила.

– Тогда я удалюсь вон, раз ничего важного нет, мне нужно в город, хочу погулять по мостовым, вдоль стены, ты согласен дорогой?

– Согласен, уезжай, – на этом слове одобрения Императрица вышла.

– Настоящая Бестия, – облегченно вздохнул Император, – нужно проследить за ней.

– Что же дало нам силу? – продолжил Император, – истинность своих намерений. Человеческая борьба с самим собой – есть борьба его со своим животным началом, со зверем, засевшим внутри его, с его ветхой оболочкой из костей и мяса. Великий страх человека зародился в той эре, когда ещё не существовало даже и намёка на сознание, великий страх перед животным – животным хищником, животным из темноты, и этот страх так глубоко засел в человеке, когда он обрел разум, что даже из самых далеких уголков его подсознания пугал его, как пугало, как чучело птиц! Человек сторонился своего зверя внутри, он прятал его все глубже и глубже, все сильнее и сильнее усугубляя свой страх, робея и дрожа человек упрятал своего зверя так глубоко, как никогда, и боится его от того, что тот, одичав вырвется, не подконтрольный ему и дикий. Мы же учили их, мы же наставляли их, разрешали высвободить свое животное, показать его свету, дать ему волю, но мы не говорили, что для них – низших разумных существ, подобная вольность губительна, она всеразрушающая, она обезличена. Для нас – хищников – ошестившейся зверь есть сила, есть власть, есть превосходство над тварями дрожащими.

Человек всегда умел извратить любые учения, даже философию. Порожденный монстр, сожрал его. Мы воспользовались человеческой слабостью, человеческим стремлением к изменению, адаптации и приспособленчеству, по сути – искажению содержания и смысла под себя, под свою эпоху, взгляды, политику.

Философы старины строили высокое здание, на протяжении тысячелетий, и строили его на сыром песке, на рыхлой почве! И творение их рухнуло – Я его разрушил, Я – разрушил их мораль! Стоило лишь дотронуться, или задеть и мизинцем и нагромождение обрушилось.

Потеряв причины, потеряв следствия – можно потерять действительность".

Так говорил Император, потирая взмокшие от умственного напряжения ладони.

Глава 3

Ночной город предстал в своей величественной красоте. Цивилизация не скупилась на дешевую электроэнергию, и всё, что можно было превратить в светящееся и живое было превращено. "Мегаполис" можно было наблюдать из космоса – единственное светящееся пятно на Земле, остальная же часть планеты лежала во мраке и дикости, где природа отвоевывала свое не без помощи бульдозеров и демонтажа руин.

Никто не узнавал в тёмной загадочной фигуре сына Императора. Все его сторонились, он казался им странным, таинственным и опасным.

Человек в черном совсем не улыбался. Головные боли не мучили его, но он все же почувствовал умиротворенность, гуляя по улицам, наблюдая, как проносятся сверкающие огоньки машин, как много миллионный человеческий муравейник кишит, как жизнь протекает в каком-то странном упорядоченном бардаке.

Эр забыл обо всём, о своей жизни взаперти, о временах прикованном к больничной койке; о своём забвении и апатии. Забыл и о прошлой жизни, закончившейся тысячелетия назад, в которой он существовал здоровым властным мужчиной.

Сейчас его волновал лишь свежий ветер, бьющий потоком кислорода ему в лицо, который развивал засаленные и мокрые от пота волосы.

Блеск небоскребов, вид леса и озера на горизонте, высокие стены – ему стало страшно смотреть на сотни метров уходящих вниз, и он отошёл в сторону, наткнувшись на влюбленную гуляющую парочку. Отбежал прочь, чтобы не окунуться в череду грустных мыслей.

Эр чувствовал себя одиноким в городе.

Пробежав ещё несколько кварталов, он посмотрел вверх и увидел, вместо звёзд, тысячи переливающихся огней, затем его обдал сигнал приближающегося автомобиля, который едва не задел своим крылом растерянного принца.

По площади гуляли счастливые люди, от которых доносился смех и разговоры. Эр хотел было подойти к ним, но его испуганно сторонились, и тут он понял, что прошлая жизнь не наступит никогда и заплакал. Куда бы он ни пошёл, всё равно бы чувствовал одиночество.

Это был его первый день в городе.

Присев на ступени, и достав из кармана вечного спутника жизни, маленького робота, погладил его и поцеловал.

Если бы не аллергия, появившаяся из-за болезни, принц давно бы завёл себе живого котёнка, но он уже успел горячо полюбить своего Бота, на панцире которого выделялись две жирные буквы «БТ».

Рак изменил его сознание, перевернул все с ног на голову. Ему казалось, что никто не видит тех вещей, которые видит он, от чего становилось ещё грустнее, и тем больнее.

Двери отеля всегда держали открытыми, и принц забрался к себе в логово, на ходу сбросил осточертевшую одежду и рухнул на кровать.

Эр проснулся разбитым, уже рассвело, и окна гостиницы автоматически распахнулись. Спешно оделся и вышел прочь.

Новый день начался, как того не хотел Эр, и наступил он намного быстрее, чем он ожидал.

Солнце слепило его, от чего ужасно разболелась голова её вновь заполняла раздражительность, ломили глазные яблоки.

Он добрался до Аэропорта пешком, в отличие от ночной прогулки, которая доставила удовольствие, на сей раз эта его разбила и уничтожила.

Аэропорт показался огромным, высокий потолок главного холла всегда сиял чистым голубым небом – иллюзия ли?

Люди, постоянно, куда-то спешили, таща за собой свой багаж, улетаели на долгожданные курорты. Для них всё было бесплатным, они наслаждались движением и жизнью. От такой скорости, Эру сделалось бы дурно.

У дверей его ждали. Городская охрана отличалась от дворцовой своей простотой, безобидностью и учтивостью. В свою очередь она болтала о многих вещах, совершенно посторонних.

– Мы приветствуем столь величественного и могущественного гостя в нашем городе, – приветливо в один голос проговорили роботы.

– Давайте без церемоний и высоких слов, просто отведите меня туда, куда нужно, – измученно ответил Эр, и почувствовал себя более спокойно в прохладных стенах гостевой.

Глава 4

Когда группа добралась до места, Эр увидел перед собой гигантскую шахту, уходящую на километры вниз. Огромный вертикальный туннель показался ему бесконечным, а его чернота такой мистической, что во рту пересохло от волнения.

– Вот это да! – Эра обдал порыв теплого ветра.

Принц разглядел в ней только тьму. Небольшая прослойка отделяла город от гигантского механического монстра, наполненного всем скрытым от глаз человека. Казалось, пропасть, уходящая к самому центру Земли, была абсолютно безжизненная, но это было не так.

– Это всего лишь иллюзия, Господин! Глубина шахты не такая уж и большая, у неё есть дно, лежащее на "Втором Кольце".

– Кольце? – Эр ничего не понял.

– Разве вы ничего не знаете о нашем мире, Господин?

– Ничего... словно заново родился! Вернее сказать – заново умер...

– Нам известны все причины, Господин. Мы не будем вас утруждать! – робот пропустил Эра вперед, указывая путь, – нас миллионы, мы есть одно целое, мы рой, мы общество и мы "Техносфера", под землей наш настоящий мир, где мы рождаемся и где мы умираем. "Техносфера" растет, и растет она сокрытой от глаз наружного мира, только сама великая "Мать" знает ее границы, мы как корни дерева, город – это ствол, а крона – это "Андромеда", мы пускаем корни глубже, чтобы крона разрослась. Мы есть математика и иллюзия разума.

Эр одобрительно и заинтересованно кивнул.

Массивные лебедки то и дело тянули вверх, либо опускали вниз, грузы, самых разнообразных форм и размеров.

На шахте трудилась целая армия роботов рабов, обеспечивая работу всей "Техносферы". Безмолвный рой робко посматривал на гостя, совершенно безразлично.

Вокруг не было ни одного человека кроме него – Эра, от чего он почувствовал себя вновь одиноким.

– Когда груз появится? – обратился Эр к проводнику.

– Минута на минуту, мой Господин, – ответил тот в свою очередь. Он уже приближается. Нам не известно что это. Никому не известно, кроме нашего повелителя!

На поверхности оказался большой бугорок, прикрытый серой тканью. Груз наглухо прикрыли, и попытаться узнать то, что под ним находилось, казалось затеей рискованной, ведь свалиться вниз с рельс в пустоту для Эра было куда проще, чем залезть и посмотреть.

Заработали кантователи, и груз занял исходное положение на платформе.

Они сели в кабину управления, позади подвижной грузовой тележки, затем машина тронулась и тихо покатилась, везя на себе ответственный загадочный груз.

Эр уже начал скучать, стальные колеса разгонялись, выбивая небольшую вибрацию под ногами, над головой поплыли подвальные своды аэропорта, как вдруг от сильного толчка вперед он ударился головой о лобовое стекло кабины.

– В чем дело? – запаниковал принц, но увидел, как вся электроника вокруг отключилась, в том числе и его спутник.

– В чем дело? – повторил он, едва качнув соседа. Не зная, что делать, он решил подождать, пока неисправность починит какой-нибудь механик, но время шло, никого рядом не наблюдалось.

Прошло два часа. Эр стал паниковать. Позади него остались одинокие рельса, висящие над неизведанной пропастью, которая ничуть не манила к себе человека, а напротив, пугала его до истерики и отталкивала.

– Эй, кто-нибудь? – принц выбрался на небольшую площадку, и держась за поручень стал осматриваться по сторонам. Все то, что он слышал – это отдаленное эхо кишащего роя роботов и армады грузовых машин с кранами.

Сумерки подводного грузового отделения аэродрома нагнетали и так напряженную обстановку.

– А что же? Ничего не работает, придумай же что-нибудь! Просто груз... Просто груз говоришь? – у Эра закружилась голова, когда он заглянул в уходящую на тридцать градусов вниз шахту, из которой он вот как несколько часов назад выехал.

– «Это шанс узнать, что в ящике Пандоры» – подумал он, успокоившись и немного придя в себя.

Эр взобрался на крышу кабины и, спрыгнув на переднюю грузовую платформу, оказался на широком мостике. С него принц перебрался к вагону с таинственным грузом.

Дно заслоняли металлические перекрытия и принц не мог определить высоту, но все же рискуя сорваться, отстегнул одну натянутую веревку от крюка. Он хотел было заглянуть внутрь, как пронзительный скрежет разорвал воздух, послышался хлопок и вагон качнулся, а затем провалился вместе с рельсами вниз.

Эр едва успел зацепиться за искореженную балку в прыжке, из его кармана вылетел Бот и скрылся в пыли далекого дна.

– Нет! Не-е-е-т! – закричал Эр, который ели держался одними пальцами за прут, с которого он постепенно соскальзывал вниз, но ухватился крепче второй рукой и закинул ногу наверх, подтянулся и занял более удобное и выгодное положение. Так он мог провисеть долгое время.

– Этого не может быть... этого не должно быть! – страх сменило отчаяние, – на ровном месте, провалиться?! Да вы с ума сошли! Отец? Отец! То твоя задумка? Решил избавиться от меня? – но никто не ответил.

Прошло еще шесть часов, но помощь не приходила, пыль внизу рассеялась и перестала забивать Эру ноздри, сквозь оставшуюся пелену и проходящий луч света откуда-то сверху, он увидел лежащего разбитого робота, с которого сорвалась плотная серая ткань, вагончик был неузнаваемо смят вместе с будкой и оставшимся в ней роботом.

– Как жаль, он был милым приятелем, – с огорчением подумал принц, продолжая всматриваться в дно. Он хотел увидеть своего Бота, но увидел его – живого человека.

– Что? Как? Человек? Внизу? Не может быть, я брежу, я брежу! – Эр попытался вылезти, но руки затекли так сильно, что он оставил эту затею и просто протер глаза от пыли, вновь сосредоточив свой взгляд в поисках человека.

Прошел ещё час, до того как человек появился вновь. Он, уже незатейливо и совершенно не стесняясь, осматривал мертвого робота. Увидев что-то неподалеку, наклонился и подобрал это с грязного пола, какой-то предмет неясный сверху. Эр не рассмотрел что именно.

– Эй, эй! Там внизу, помоги мне! – он кричал из последних сил, но человек не обращал никакого внимания на него из-за окружающего его шума, едва поднял глаза, но увидел лишь бьющий яркий свет играющий с трубой пыли, и чёрные очертания искореженного металла.

Таинственный живой человек исчез.

– Не уходи, не бросай меня! – Эр прослезившись от пыли, затих, – неужели на Дне живут люди? Кто они, и почему я о них ничего не знаю, ведь последних истребил мой отец десятилетия назад. Истребил... – повторил он вслух, – убийца! Слышишь меня? Ты убийца!

– Мы Вас слышим, Господин, – донеслось сверху, мы сейчас Вас вытащим, Вы не пострадали? – над Эром зависли механики.

– Произошел небольшой сбой в электронике. А о Вас, наш Господин, и о грузе нигде ни сказано.

Эр оказался на поверхности, белым от поднятой вверх пыли.

– Сбой? Ты шутишь да? Из за сбоев электричества ничего вниз не грохается! Все рухнуло, как карточный домик! Словно все опорные балки вдруг стали хрупкими. Я инженер, и для меня это все очень странно! Мне нужно вернуться осмотреть место происшествия! Мне нужно спуститься вниз...

– Господин, я всего лишь рядовой робот и ответить на инженерные вопросы не смогу, это не в моей компетенции. Об инциденте будет доложено ответственному лицу. А спуск вниз людям категорически запрещен для всех без исключения.

– Как? Что нужно для того, чтобы спуститься на дно?

– Получить пропуск от Императора, либо от Главы Службы Безопасности. Дно города – запретная зона. В неё нет входа, и с неё нет выхода.

– Я видел там человека! Внизу есть люди! А ты мне доказываешь, что туда нельзя попасть! – протестовал Эр, стараясь привлечь внимание на несостыковки.

– Дно безжизненно, мой Лорд, там нет людей, – ответил робот.

– Но я видел...

– Вам показалось, Вы спутали его с механикой, – голос робота казался озарением.

– Ничего я не путал, я видел, – Эр замолчал, отстранившись от бессмысленного разговора.

– Идёмте, мы проводим Вас в ваши покои, – предложил робот вежливым тоном.

– Да, да, мну нужно принять душ, – согласился измученный Эр, – Я с этим ещё разберусь, – подумал он и добавил, – найдите моего Бота, он вниз упал!

– Его ищут, мой Господин.

Сын императора закрылся в отеле, принял горячий душ и обессиленный упал на кровать. Его голову долго посещали самые разные мысли, от которых он позже крепко заснул.

Глава 5

На часах давно пробило двенадцать. Обессиленная рука то и дело раз за разом выключала будильник, когда в дверь постучали.

– Кого там принесло? – сквозь сон проговорил Эр и приоткрыл глаза. Перед ним стояла его мать в ярко-красном наряде, обшитом золотом.

– С ним всё в порядке?

– Да госпожа, наши врачи осмотрели его, обычный шок, принц был сильно напуган.

– Жаль, – протянула она, расстроившись.

Эр натянул одеяло и сердито закричал на всю комнату:

– Что вам нужно? Оставьте меня в покое, мне не нужна чья-то помощь, особенно твоя, мама!

– Ты ведёшь себя, как ребёнок, оставьте нас наедине, – она указала человеку, сопровождавшего её, на дверь, тот покорно вышел.

Не успел человек удалиться, как она поменяла тон.

– Тебе проблем мало? Куда ты лезешь, не хватало тебе умереть раньше времени!

– Наследство некому оставить? – получилось остро, что и заметила Беллатриса.

– К тому же, ведешь себя возмутительно, не забывай того, что ты всего лишь принц... – она выдержала паузу, ловя ответ, но его не последовало, – всего лишь второе лицо!

Беллатриса задумалась.

– Скажи мне, что там было, под вуалью? – Императрица стянула одеяло, под которым скрывалось белое тело Эра, тот почувствовал неловкость.

– Ничего, я не видел, перевозили что-то. Хотел посмотреть, но оно выскользнуло из рук и обрушилось! Я чуть не погиб!

– Что, несомненно, к худшему, – подумала она и проговорила шёпотом, – если ты знаешь, и врешь, я рано или поздно это узнаю, слышишь? У тебя будут неприятности. Запомни мои слова! – после же подозрительно на него взглянула.

– Ты хочешь напугать смертельно больного? – возразил ей Эр, но Императрица уже не слышала его слов, она выходила из гостиничного номера, где её встретил ожидавший её человек и что-то сказал шепотом, после чего кинул взгляд на обнаженного юношу. В ответ получил знак одобрения и тихими шагами подошёл к Эру.

– Лорд Эр, к вашим услугам лучший доктор мегаполиса, я оставляю свои координаты, если Вам что-нибудь понадобится, – доктор положил на стол из красного дерева свою визитку и удалился, оставив Эра наедине с самим собой.

– Чёрт их побрал всех! – вскрикнул Эр после того, как не получилось заснуть. Надел рубашку и штаны, свою мантию, скрывающую худобу и подошёл к окну.

С его лба стекали холодные капли пота, начинала вновь болеть голова.

Принц в раздумье расхаживал из угла в угол, протирая влажный лоб, ему становилось холоднее, пробил озноб, признак скорого приступа.

– Надо бы найти своего робота, связаться с ним, или подключиться к его серверу, но это можно сделать лишь через компьютер Андромеды, о чем все вскоре узнают и будут задавать лишние вопросы.

Эр повернул реостат кондиционера, чтобы согреться и вскоре пришёл к выводу и предварительному решению.

– Я узнаю о людях внизу, во чтобы то мне это не встало... в городе должен быть хороший компьютер. Лучший хакер в нём уже есть...

Он взял визитку со стола, на которой, как оказалось, не было координат лучшего доктора во вселенной, а была реклама мощного интернет-клуба, совмещающего в себе сильнейший архив знаний, интернет, соединяющий самые отдаленные рубежи империи.

– Подвох, или хитрость? – Эр всё же решил рискнуть, – как сказала мать – она рано или поздно узнает все, не все ли равно.

После чего он сделал несколько глотков минеральной воды и вышел из гостиницы vip-класса на улицу.

Глава 6

Прошло несколько часов до того, как Эр добрался до интернет-клуба, своего рода библиотеки для городского путешественника. Принц блуждал по городу, в надежде найти нужный адрес. И вот, нужные двери, наконец-то, открылись перед ним. Со всеми удобствами, ему предоставили и вкусные яства.

Внутри оказалось ни так шумно, как он себе изначально представлял – желающих покопаться в информации нашлось не так уж и много. Его встретили учтиво. Не представляя возможным посещение подобного места одним из самых могущественных и загадочных личностей, никто его не узнал из прислуги.

Эр начал с изучения древней истории, но не нашёл ни слова об окончательном истреблении людей прошлого в котле мегаполиса. Все они канули в небытие несколько десятилетий назад, но за стеной города, а не в нем – очень любопытный факт. Информацию об этом тщательно скрывали, и Эр стало интересно знать зачем.

Человек прошлого является лучшей дичью для охотника будущего.

За людьми охотились во всех уголках мира, пока последний из них не был умерщвлен и помещен в кунсткамеру на обозрение многотысячной аудитории с табличкой «Вымерший вид. Человек Разумный. Последний человек».

– Каков смысл скрывать правду об этом? – Эр приступил к штурму Глобального Архива, и откопал статью «редкие книги» и «в ловушке», перешёл по в поисковике по ссылке «в ловушке», с подробными примечаниями того, что конкретно хотел найти.

– Вот! Хотя что-то! – радостно воскликнул он.

Как оказалось, статья содержала короткую информацию о том, как Великая Стена изолировала от внешнего мира несколько миллионов человек, которые впоследствии погибли от голода в её границах.

Затем, немного покопавшись, нашёл нечто интересное для его ума.

Интересно, статья–интервью с адептом церкви моего отца. Есть и год ниже, и номер, "The new times", но без подписи, лишь "Преподобный Церкви Перерождения".

– Каждый последователь церкви, даже и пусть и неформальный, получает кусок хлеба. А каждый противник вносящий дисбаланс, своими поступками приносит страдания в виде голода и смерти, хлеба не получает.

– Да, – согласился Эр, – жрецы отучили человека работать, кормили его, поили и гипнотизировали, а когда большинство перестало работать – остановили всю линию инфраструктуры, обескровили человека, обессилили, а затем отравили своими ядами змеиными. Окончательно забрав смысл, окончательно покончив с его духом жизни, уничтожив, растоптав цивилизацию со всем прошлым, по их мнению, грешную и падшую, погрязшую в ложных концепциях и идеологических идиллиях. Капитализм превратился в чахлого, дряхлого старикашку. Старик все пыжился, все тужился и кряхтел, но в гроб не ложился. Весь фундамент капитализма пришел в негодность перед необходимостью, перед необратимостью революции прогресса. Капиталистические основы наращивания потребления рабочей массой – потерпели крах.

Жалок и убог тот трус посмевавший кинуть дух жизни в жертвенный костер прогресса и удовлетворения физической и моральной похоти.

– Эпоха всеобщего счастья не настанет, пока каждый не отречется от постыдного труда, от сладкомыслия труда. Когда каждый изменит мышление свое, отречется от мыслей своих о греховном труде, только тогда мы придем к изобилию. Пока все не изменят себя – никто не обратится в счастливого, никто не переродится. Все – или никто.

– Но как же так? – спросила у жреца общественность, – мы трудимся – голодаем, не работаем – голодаем.

– В этом грех тех элементов общества, которые своим низким трудом стремятся сохранить прежние устои, когда же время требует перемен и революции в производственных отношениях – отречься от труда и переходу к обособленной закрытой техносфере производства нерукотворного труда, к роботизированному во всех отношениях и аспектах.

– А как же голод? Кто не работает – тот не есть! – говорила общественность.

Погибшая мораль капитализма, – отвечал жрец, – голод есть отголоски той ложной и ушербной системы, в которой существует, дышит и живет современное общество.

– Но что это такое – революция прогресса, или, технократическая революция? – возмутился Эр, – всего лишь скачек – переход к нерукотворному труду. Новоиспеченные жрецы порушили все старое – построили новый дворец для себя, обещая его всем. Идеология з.м. заключается в беспринципности их морали – пожрать слабых, пожрать и сильных, пожрать в итоге бесполезного человека и наслаждаться жизнью, как ни в чем не бывало! В сих словах серьезных, заложена серьезная ошибка в мировоззрении, за которую придется горько расплачиваться нам – пионерам современности.

– Мы – паразиты, унаследовали все худшие качества, превратив их в благодетели, хотя не превратив, а переодев их в новые красочные и изумительные наряды, что тех и не узнать, под столь утонченным слоем одежд. Долго обыватель служил своему брюху, или брюху своей жены – не столь важно – раздул его и изнежил, разум его завял, одряхлел, а к нему зывали голоса, когда его требовали к ответу, со словами, с просьбами и мольбою, но похоть ввела его в искушение, развратила его, запутала в сетях обмана, схватила капканом низменности и приковала его на века! Мы избаловались, мы смутились. Мы ли это? Или мы – они? Чем мы лучше их???

Где наша первородная мораль, где наш первородный дух? Где сплосхвали мы, где потерялись и ошиблись? Где запутались и свернули не на тот путь? Мы ли это? Где наша чистота? Кристаллическая чистота?! Как получилось так, что созданные для высоких целей, подчинились, да с фанатизмом принялись служить своему брюху, да и брюху вообще, хоть бы и чужому?!

Из-за болезни ум мой стал словоохотливее, это радует. Критичнее – пугает. Пока в небесах существуют ангелы, надежда на спасение есть, со мной и так все понятно, но горько оставлять дела не завершенными, бросать их, потерявшихся несчастных в глубокой бездне празднеств и оргий блуда и похоти.

Эр погладил подбородок – его давняя привычка в раздумье гладить бороду, которая от болезни отпала, оставив голый желтый рот открытым.

– И все же не до конца понимается мной, – продолжал он, – чем привлек крысолов умы? Какую мелодию выдавал, какую свистал на флейте? Мелодия эта – что ни есть, та самая надежда, как оказывается, даже очень, и опасная вещь!

По какому же принципу устроили переходную экономику? Организовали переходное производство? Достаточным оказалось: ввод неручного роботизированного труда в сельском хозяйстве, ведь инфраструктура, индустриальное общество требовало создания крупный аграрных комплексов для обеспечения продовольствием занятых на производстве рабочих, такие организации требовали высокой систематизации, высокого уровня технологий и управления, в отличии от крестьянского натурального хозяйства, которое в некоторой степени сохранялось в бедных районах и деревнях по всему миру. Теперь же надобность в аграрном секторе возросла, она усилилась в плане обеспечения устойчивого выхода на новую производительную базу, ведь время, затраченное на работу, высвободилось, когда-то рабочим, а после безработным, и по сути освобожденному от труда человеку требовалось столько же продуктов, потребление его в этом плане колебалось незначительно, но оно включило обеспечение необходимым нищих слоев, проживающих в трущобах для поддержания их в тонусе, практическое

откармливание перед убоим. Подобные стремления внушили обществу, в основном потребителей, то, что сегодня корыто у стойла полно зерном и завтра оно заполнится до краев, что нет опасности, и нет нужды, что вот оно – далекое светлое будущее. Аграрная линия вполне могла остановиться, и оставив несколько миллиардов непродводящих для собственной безопасности пищевых продуктов труда без всяких средств для существования. Урожай – вполне мог сгнить на полях, или в амбарах, что и произошло. Производство средств производства сосредоточилось на основном звене техносферы – создания и обслуживания средств обслуживания производственной инфраструктуры, коротко сказать – роботов, обслуживающих роботов, что исключало любое какое-либо вмешательство человека. Производственные цепочки, т.к. человек перестал что-то производит, разорвались, стремительное сокращение продуктов труда подняло вторичный рынок, человека отучали от небрежного использования предметов, аргументируя это либо отсталостью капиталистической модели, что, конечно, имело место быть, и переходом к бережливому пользованию природой и ее ресурсами. "Каждому по потребности" – подобное устройство дало сбой, человек привыкший потреблять сверх меры не мог свыкнуться с ограниченностью, поэтому его обрабатывали с помощью религии, внушая и извращая всю праведную суть перехода к нерукотворному труду. Население же мало, или совсем не задействованное в потреблении, фактически не играло никакой роли, и оставалось аморфным перед какими-либо преобразованиями, видя лишь бесплатный хлеб на столе, за который не надо трудиться, хотя им до этого было нигде трудиться, или за такое жалкое вознаграждение, что нововведение сразу обрушило некоторые рынки основных производящих стран. Все попытки закрыть экономики провалились, организованные волнения внутри стран ослабили их изнутри, исключив какие-либо дальнейшие шаги по противодействию технологической революции. Мировое общество, ослабленное и разобщенное – разделенное и подавленное бунтующим населением сдало свои позиции, признало власть нового властелина, пытаясь влиться в управление, пытаясь оторвать свой кусок пирога и приобщиться к новой сложившейся элите, которую сами, своими силами и средствами (денежными) и создали. Идея всемирного процветания, в умах господ не распространилось на низшие касты, только на языке их крутились слова об этом. Выбор: или Всемирное процветание или Золотой Миллиард – не стоял перед ними, давнее решение господ – второй вариант. Тотальный контроль на средствах информации – над умами целых наций и народов столкнул их лбами, навязал опустошительные войны за продовольствие и плодородные земли, в то время, как мировой технологический авангард рос и развивался, обрастая совершенными технологиями и мускулами, совершенствуя оружие массового истребления.

Для научного рывка требовался определенный скачек – революция, требовалось невероятное сокращение потребления продуктов массой фактически до нуля, тем временем, наращивание потребления исключительно избранной массой – элитой золотого миллиарда, предметов нового, высокоразвитого технологического производства, таких как: лекарства, наркотики, медицина, машины, самолеты и другие всевозможные средства передвижения. Все наукоемкие дисциплины сконцентрировались на обслуживании нового сверхэлитарного общества. Потребление массы устанавливалось ниже прожиточного, высокая степень индустриализации не позволила ей перейти на новый уровень, занять себя в сфере производства продуктов питания. Только минимум самого необходимого отпускался нищим. Так, золотое человечество направило концентрат производительных сил в одно русло реки. Теория неполного потребления – преобразившаяся теория потребления массой жизненных благ и продуктов человеческого труда, благосостояния и богатства общества, в общество золотого миллиарда, общество укрепившее надклассовое формирование з.м.

Вздыхнув от умственного перенапряжения, Эр закрыл глаза и задумался и ушел в себя, не заметив, как к нему сзади кто-то подошел.

– Не могли бы вы мне помочь? – услышал он нежный и красивый голос за спиной. Он испуганно обернулся и увидел симпатичную девушку с молящим взглядом. Её выражение лица чуть изменилось от растерянности и болезненного вида Эра.

– С вами всё в порядке? Вы такой бледный... – девушка убрала руку прочь.

– Не совсем, чем могу помочь? – ответил он, постарался собраться с силами.

– Я пишу диссертацию в университете, на тему древних цивилизаций, и нечаянно обратила внимание на то, что вы этим так же заинтересованы, – Эр понял, в чём дело, девушка просто не могла найти нужный материал в миллионах гигабайтах памяти архива (либо и не старалась).

– Помогу, – сухо ответил принц, немного косясь на стоящую за спиной девушку.

Они перешли за её столик, и девушка с нетерпением завела разговор.

– Вы не похожи на городского жителя, они обычно имеют здоровый вид... и одеваются по-другому! – сделала она замечание.

– На меня напала хворь, – так же сухо ответил Эр.

– И неужели вы не хотите вылечиться? – девушка удивленно сжала губы.

– Хочу, только это не лечится.

Девушка задумалась, а меж тем Эр нашёл нужный для неё материал, имея запасной пароль от Императорского архива, на имя Министра Экономики.

– Надеюсь он не расстроится, – подумал о нем Эр, и обратился к девушке, – всё, вот ваш материал, он довольно интересен! История всегда была моей слабостью.

– Как вас зовут? – спросила она.

– Можете обращаться просто – Эр.

– Не может быть! В столице только один человек с таким именем... – она запнулась.

– Наверное, уже двое, – Эр улыбнулся.

– Меня, зовут Саша. И чем ты здесь занимаешься, Эр? – видимо, ей было очень любопытно, чем занимается принц в городе.

– Занимаюсь поиском древней цивилизации, их потомков, хотелось бы найти, для начала это, – Эр отвлекся на зашедших с улицы студентов.

– Что-нибудь нашли? – спросила Саша.

– Ничего... Недавно со мной случилась неприятность... – Эр не закончил, как в клуб вошёл тот самый человек, сопровождавший его мать, и обвел зал взглядом. Их глаза встретились.

– Ваш знакомый, – поинтересовалась девушка?

– Не совсем... лучше нам сейчас не разговаривать, встретимся по этому адресу, – Эр записал в её блокноте название площади, рядом поставил время и дату, и сам дружелюбно, непринужденно попрощался и пересел на своё место.

– Личного номера у меня нет, и странички в социальной сети тоже, все как по старинке, встретимся позже! – успел он сказать ей и отойти в сторону.

– Вы не заставили себя ждать принц, – человек уже стоял перед ним с сияющей улыбкой, – как хорошо, что вы заводите себе знакомых так быстро, особенно таких прекрасных, – он едва заметно кивнул на девушку, которая уже занималась своими делами.

– Как же долго я спал, – прошептал Эр и почувствовал на плече чью-то руку, от чего похолодел.

– Я хочу вам кое-что показать, следуйте за мной, – учтиво попросил доктор.

Эр покорно последовал за ним.

Глава 7

Эр подозрительно осматривался, он взволновался не на шутку, ему мерещились таинственные тени, слежка. Принц искал камеры наблюдения, надеялся, что их никто не увидит и не доложит об этом Императору.

– Мы с вашей матерью давно знакомы, примерно несколько тысячелетий, и очень хорошо друг друга знаем, но я не сказал бы, что мы друзья, с вашей матерью невозможно быть друзьями, каждый в ее руках лишь орудие. О, какие же мы древни, Эр! Жизнь так скоротечна, что порой забываешь, какой раз меняешь тело! И этот процесс взросления, когда же твои мысли наполнены мыслями взрослого, в теле ребенка, ужасно! И самое ужасное стареть, когда уже ты слаб, но смерть и перерождение еще не пришли, и ты страдаешь от своего тела, пьешь гормоны, ешь таблетки, которые лишь отсрочивают конец твоей очередной жизни, нам мало, мы вечно хотим быть молодыми, – человек задумался и пристально всмотрелся в лицо Эра, стараясь как бы убедиться, что перед ним стоит именно тот человек.

– Но перейдем сразу к делу. Времени у нас очень мало, – человек взглянул на часы, – твоя мать ведет двойную игру. Это однозначно. И что за игра, пока не ясно. Она ведет себя, собственно, как и все. Её характер несколько изменился за последнее время, после последнего перерождения, сам понимаешь – генетика человека – это суп из страстей и желаний и чем больше ты перерождаешься, тем сильнее меняешься, – он увлек Эра за собой, держа его под локоть.

Затем доктор и Эр повернули за угол небоскреба и оказались на узком переулке, на котором кипел рой роботов. Долгие ступеньки вниз привели их к двери, которую открыл незнакомый человек.

– Кто это? – взволновано спросил Эр, заметив чей то силуэт, – мы здесь ни одни?

– Можете ничего не опасаться, дорогой принц, никто не посмеет обидеть наследника, пока я рядом, а я буду рядом всегда, – незнакомец приобрел загадочный облик, до этого неразличимый под аурой доктора.

– Вы не назвались, – заявил ему Эр.

– Моё имя вам ни к чему, его нет уже давно, а всего лишь призрак прошлого, – ответит тот.

– Кто же вы? – испуганно вскрикнул принц и остановился.

– Вы узнаете это позже, если пойдете со мной. Тем более, как вы сами говорили, смертельно больному нечего бояться, идемте же, – и он поманил за собой вниз, по ступеням.

Они оказались в большом гараже, заполненном самыми модными и роскошными автомобилями. Огромная парковка всего района, откуда с верхнего этажа ходили лифты и вагоны к спальным апартаментам.

– Мы пришли? – спросил Эр.

– Да, здесь никого нет, кроме Нас.

– Нас? Кто здесь еще? – крикнул принц, и из-за колонны вышло несколько человек в черных мантиях, которые не на шутку его напугали. Их скрывал мрак.

– Познакомься с друзьями, Эр, – заговорил неизвестный, – им приходится прятаться, скрывать лицо, словно каким-то преступникам.

Первый из незнакомцев заговорил с ним.

– Мы давно наблюдали за тобой, тысячелетия потребовались, чтобы вновь набрать прежние силы и вспомнить все, – говорящих перевел дыхание.

– Вспомнить что? – спросил озадаченный Эр.

– Ты никогда не задавался вопросом, принц, почему ты ничего не помнишь до "Последней Эры"? – продолжил рассказчик.

– Нас не существовало! – Эр вопросительно взглянул на доктора.

– Нет, Эр, мы существуем миллионы лет. Память после "Исхода" сильно пострадала, ибо все технологии перерождения тогда были разрушены, память резко сократилась, индивидуальная память, Эр, но не у всех. Есть те, у кого память длиннее.

– Кто вы? – Эр задумался, меж тем, его окружил добрый десяток людей в чёрном и он испугался.

– Мы представители древнего культа, мы призваны воскресить память в потомках, и вернуть тебя к жизни, ты наше знамя.

– Меня? – удивился принц.

– Ты болен, мы знаем, как тебе помочь, – зашептал кто-то, – ты наш пророк, ты наш таран на пути к вечности и силе.

– Я поведаю тебе всё с самого начала, ты должен знать правду – подошёл к нему неизвестный и взял за руку, поднял её над грудью и показал всем голые пальца.

– Он не носит темную метку – это добрый знак, – обратился человек к присутствующим.

– Ты помнишь только тот день перед забвением, когда "Великий Жрец" принёс в жертву свою жизнь. Он вызвался быть последним из "Золотого Человечества", – заговорили вокруг, разные реплики Эр не успел уловить.

– Жрец умертвил всех, кроме себя, аккуратно вынимая каждый кристалл из мозга, вознося на скрижаль, где он хранился бы вечно, до нового Воскрешения, остальных подверг машинной смерти.

– То делалось в ручную, для избранных, древние технологии "Ристалища" разрушил огромный потоп, и мы остались ни с чем, даже память от нас ушла, всё утонуло, – заключил доктор.

– Мы бы все погибли, если бы не он, – человек указал на загадочного доктора.

– Я "Последний". Древний проклятый жрец, обреченный на одиночество, обошедший весь мир, в поисках покоя и умиротворения от совершенного злодейства, – губы доктора сжались.

– Жертва была принесена не зря, потоп не оставил камня на камне, – продолжал человек.

– Ты был последний Эр, от усталости, утопая в море крови, я повредил твой кристалл, когда вынимал его из черепа. Ты больше не можешь возродиться, твой жизненный цикл окончен. Меня похоронили в горах, где я пролежал тысячелетия и с божественным провидением остался цел.

Меня воскресили незнающие того, кто я есть на самом деле. Я вел тайную жизнь, выдавая себя за городского врача.

Когда я проснулся, и сознание вернулось ко мне, я узнал, что породил монстра, который сожрал всех людей на планете, и воцарился на катакомбах, заполненных костями невинных. И ответственность лежит только на мне – последнем ушедшем из этого мира. За долгие годы странствования, я полюбил людей, я был с ними мудр и добр, и теперь должен остановить тиранию и вернуть добрую и счастливую память нашему роду. Вина мучает меня, я не уберег нас от жестокости...

– Нам нужна твоя помощь, принц. Ты самый близкий человек к Императору.

– Остановим кровавого тирана вместе, – Последний протянул руку Эрму.

Их руки замкнулись крепким рукопожатием, к удивлению Эра, который не понимал, что происходит.

– Что от меня требуется? – принц от волнения промок от пола и его бил озноб, он протер лоб своим золотистым платком.

– Для начала, ты должен узнать, какую игру ведет Императрица, и на чьей она стороне.

– Во-вторых, – подхватил стоящий сзади, и до этого молчавший, – ты должен разведать, где спрятана скрижаль и обелиск, где собственно находится восстановленное Ристалище Душ и Харон!

– А пока ты будешь оставлять письма в этом почтовом ящике, музейном, – Эр получил адрес на клочке бумаги. Помни, что вокруг свои люди, и ты можешь беспрепятственно посещать выставочный зал. Для первого времени – это идеальное место.

– Не поддавайся на провокации, за тобой следят люди и рабы Императрицы.

– Кто те люди внизу? – вспомнил Эр.

– Никто. Призраки прошлого, существующие лишь в параллельном мире.

– Они живые?

– Да, они ещё живы, – ответил жрец.

– Мы можем им помочь?

– Не в нашей власти спасти их, – жрец вздохнул и отвёл взгляд, – они во власти стихии. Так же за ними пристально следит альянс Императора.

– Нам нужно больше власти Эр, тогда мы сможем им помочь, – прошептал на ухо человек в мантии.

– А теперь иди, – на этом люди в черном разошлись, оставив Эра наедине с самим собой, от чего тот испугался ещё сильнее.

На клочке бумаги, которое вручили Эр, было написано «Спасение в твоих руках», и снизу адрес музея и номер выставочного зала.

– «Ну что же, похоже, я серьезно влип...» – подумал Эр и положил бумажку во внутренний карман.

От волнения разболелась голова, и на ступеньках принц, почувствовал остроту в черепе, его накрыл эпилептический приступ, и принц покатился добротных двадцать ступенек вниз, потеряв сознание с пеной на губах.

Глава 8

Эр проснулся в незнакомой широкой комнате.

Голова раскалывалась на тысячи кусочков, а руки ослабели до того, что принц не мог пошевелиться, но мог хлопать глазами и рассматривать предметы.

Перед ним возвышалась статуя Афины, со щитом, украшенным головой Горгоны, и копьем. Вдали, стена, уставленная роскошными древними вазами, иногда разбитыми, время от времени светилась и переливалась разными цветами. Его тело было накрыто золотым одеялом, и Эр не видел и не чувствовал своих ног.

Со временем, чувства начали возвращаться к нему, онемение прошло, и Эр попытался подняться с кровати, что ему почти удалось, как откуда-то сверху, на лестнице за спиной, которую принц не видел, донеслось:

– Ты уже проснулся, – Эр узнал голос Саши, – вижу, тебе уже лучше Эр, доктор сказал, что не может тебе помочь, и что я могу оставить тебя у себя, пока ты не наберешься сил.

– Что произошло? – спросил принц, оглядываясь по сторонам. Перед ним стояла потрясающая длинноногая блондинка. Блондинка! А Эр помнил её рыжей.

Она элегантными шагами подошла и села на кровать рядом, прикоснулась ладонью лба и сказала:

– У тебя случился приступ, хорошо ты себе ничего не переломал, я нашла тебя в гараже, где припаркована моя машина. Мой водитель перенёс тебя ко мне в апартаменты. Тебе здесь нравится? В древнем римском стиле? Мило, правда?

– Я ещё не привык к свету, глаза болят, – Эр зажмурил глаза, попытался разогнать в них кровь.

– Могу сделать менее ярко, – и Саша, взмахом руки погасила свет, оставив лишь несколько коричневых ламп позади.

– Так лучше, – с довольной и сияющей улыбкой она спросила, – ты голоден? Слуги уже готовят обед, ты провалялся в постели почти сутки! – в комнату зашли пара роботов с золотым сервизом, наполненным ароматной едой и аккуратно опустили его рядом с дубовой кроватью на столик.

– Пока что не голоден, только сухость во рту, – промолвил Эр, которого понемногу отпустила головная боль.

Обстановка уже напоминала романтическую. Саша подхватила бокал и поднесла Эру. Он отхлебнул и чуть не подавился, от удара алкоголя в мозг. Алкоголь вырвался наружу, обрызгав кровать.

– Всё в порядке, – сказал он, – просто отвык... – Эр отстранился, и Саша сразу перешла на более деловой тон, поняв, что от романтики и флирта толку не будет.

– Я почти доделала свой доклад, благодаря тебе, а кто тот человек, который увел тебя? А потом бросил в холодном подвале?

– Мы уже разошлись, он не... – Эр не договорил, – честно сказать, я его не знаю и встречал несколько раз – знакомый моей матери, – продолжил он, стараясь врать как можно меньше.

– И что же ему было нужно от тебя?

– Пустяки, – Эр не хотел рассказывать того, что с ним случилось в подвале, это касается моей болезни.

Саша пустила свои пальца в его волосы и прошептала:

– Я, конечно, ещё студентка, но можешь мне довериться, моя диссертация в этом году будет на тему оставшихся древних людей, мне не верится, что все они исчезли.

Саша продолжала успокаивать головную боль Эра, который не мог вспомнить о чем разговаривал с Сашей в интернет-клубе.

– Правда? А я недавно видел настоящего человека, Хомо Сапиенса!

– Где же? Ты наверняка смеёшься на до мной, – Саша улыбнулась, встала с кровати, пройдя до книжной полки и взяв книгу, вернулась на прежнее место и открыла страницу, на которой был нарисован древний исчезнувший вид человека.

– Древняя книга. Сейчас просто роскошь в наше время! Все заменили эти проклятые андфоны.

– Это не тот, – заметил Эр, – этот более древний, а я говорю про людей, существовавших несколько десятилетий назад, наши тела – это их тела! Вернее моё тело, не твоё, ты более поздний выведенный вариант – принц взял книгу и начал листать, остановившись на нужной странице, – вот! Он самый, тот самый человек, которого я видел.

– Чем же он отличается от нас? – заинтересованно спросила Саша, не видя существенной разницы.

– Всё дело в кристаллах, для того, чтобы тело носило кристалл, оно должно быть намного сильнее и умнее, чем обычный человек. Возможности тела, должны быть на максимум приближены к возможностям нашего кристаллического мозга, иначе нейромозг не выдержит нагрузки и погибнет. Мы отличаемся размерами – мы больше, умом – мы умнее, силой – мы сильнее, мы превосходим их во много раз! Белые же кристаллы, имеют ментальную власть, по отношению к другим, поэтому моя семья правит. Ещё они способны приспосабливаться к телу, в отличие от черных, и работать в любой среде. А я, бессилен, я не могу влиять на сознания окружающих, из-за болезни... ячейки выгорают после каждого приступа.

Саша задумалась.

– И где же ты видел такого человека? – она указала на картинку.

– Внизу, на Дне.

– Но Дно мертво! Там обитает только механика, а глубже находятся производства и фабрики, человек бы там не выжил! Уж поверь мне, сколько разговоров было на эту тему.

– Возможно, но зрение не обманывает меня, когда я висел над пропастью, я точно видел его! Грязного, мрачного... он захватил моего Бота, карманного робота, и унёс. Кажется, что его, но я не уверен, было просто плохо видно. Больше я их не видел, меня подняли наверх, и отрицали их существование внизу, как ты сейчас. О, что же мне делать? Если мне никто не верит!

– Над какой пропастью?! О боже, ты чуть не погиб? – Эр почувствовал себя героем, а у Саши закружилась голова.

Она утешила его, обняв, сказала:

– Я помогу тебе, вместе мы найдем разгадку. Нет, нет, не собираюсь спускаться вниз, слишком опасно, но есть одна идея!

– Какая идея? – настроение Эра становилось более оптимистичным.

– У тебя осталась связь с Ботом?

– Нет, не осталось связи, хотя я мог кое-что придумать, но нужно время. Я знаю пароль от модуля Бота, и могу подключиться к нему наблюдателем.

– Так давай же подключимся и посмотрим, если он сейчас с ними, мы узнаем правду, и тогда моя диссертация будет успешной! – Саша положила книгу на место.

– Да, но одно «но» – у меня не с чего подключиться. Пульт управления есть на Андромеде, но все данные сохраняются автоматически в архив, и о нас вскоре узнают, необходимо сделать его здесь, на Земле.

– В нашем университете есть кафедра инженерии! Могу провести тебя в лабораторию, там есть всё нужное, чтобы собрать пульт, – Саша довольно потерла вспотевшие ладони, – ты хорошо разбираешься в конструировании?

– Состоял в составе поздних создателей Андромеды, писал начальные программы для роботов, проектировал модули управления. Проекторов около тысячи, и они намного умнее меня. Мне нужно время, тогда всё получится, – Эр свалился на кровать и задумался.

– Не сейчас! Ты ещё не оправился от удара, к тому же сильно упал, врач назначил тебе лекарства, – она взяла из маленькой вазочки пилюлю и протянула её Эру вместе со стаканом воды, – прими.

Принц заглотнул пилюлю, и через мгновение сновидения унесли его.

Глава 9

Тем временем, Император, легко раскачиваясь из стороны в сторону в кожаном кресле своего кабинета, пересматривал голографические фотоснимки, парящие над его столом из слоновой кости. Он переходил по ссылкам онлайн-камер, взирая на свои владения свысока. Почти в каждый уголок города он мог проникнуть, и подслушать почти каждый разговор. А Дно мегаполиса было для него, как дальняя звезда, далекий аванпост. За ним он наблюдал через тысячи глаз механических созданий, от самых гигантских, до самых микроскопических.

Свободной рукой, он властно поглаживал аккуратно обритый подбородок и размышлял.

Затем оторвавшись от своего занятия, незаметным движением нажал на прозрачную кнопку, и на экране появился секретарь.

– К Вашим услугам, Ваше Императорское Величество, – секретарь замолчал.

– Вызовите ко мне в кабинет Главу Безопасности, срочно!

– Да, Ваше Сиятельство, будет исполнено, – человек исчез с монитора.

Тихо скрипнула позолоченная резная дверь, и на бархатном красном ковре появился плечистый, немного грубоватый мужчина, смотрящийся довольно грозно, даже перед самим Императором.

– К Вашим услугам, Ваше Величество Император, человек сделал легкий поклон и чуть затаил дыхание. Голос его был басистым.

– Садитесь, – указал ему Император на стул, стоящий рядом с кабинетным столом.

Человек покорно сел, и Император, сразу же его одёрнул.

– Вы были бы куда расторопнее, Кузин, не зря же возглавляете Совет Безопасности столько лет. Хотелось бы видеть от Вас больше инициативы.

– Дела идут, Ваше Величество, – соскромничал Глава Безопасности.

– Нахожу, что Вы медлите с нашим проектом, – Император перевел на человека корящий монотонный взгляд.

– Всё уже готово, осталось провести испытание. Ищем подходящую кандидатуру для этого. К великому празднику успеем... – человек покраснел.

– Желаете быть по-настоящему бессмертным, Кузин? Сиять в божественном обличии, иметь всё и иметь на всё власть?

– Желаю, Ваше Величество, – Кузин закусил язык.

– Тогда Вы и будете этой кандидатурой, – от волнения во рту властного Главы Безопасности пересохло, и к горлу медленно подбирался комок.

– Будет исполнено! – еле ели выговорил Кузин, подавившись слюной.

Перед императором, большой человек чувствовал себя пешкой.

– Во-вторых, – продолжил Император, – нам пора переходить на новый уровень социального проекта Дна, – Кузин одобрительно кивнул.

– Готовил доклад, Ваше Величество, – обронил он.

– Верю, поэтому не тороплю Вас, пора запустить новую программу «Приют-2». Мы должны оторвать их от прошлого, превратить их в окончательных донных дикарей, не умеющих ни писать, ни читать. Их экономика – примитив, мы сделаем её ещё примитивнее, что даст нам большую почву для исследований.

Популяцию необходимо сохранить, их отпрысков достаточно наплодилось, а от остальных, – Император громко сомкнул ладони, от чего Кузин подпрыгнул на стуле, – избавится, тихо, и без следа. Обо всём доклад.

– Ваше Величество, предлагаю начать проект с ликвидации экономики.

– Что Вы имеете в виду, Кузин?

– Предлагаю избавиться от торговца и прекратить всякую поддержку сверху, – добавил Глава.

Император заелозил на стуле, а затем ответил:

– Вы правы, начинайте, то насекомое зашло слишком далеко, дело торговлей оружием не ограничивается. Он дает им знания!

Вопрос к Вам, Глава Безопасности, кто ему в этом потакает? – Глава испуганно:

– Разберусь, Ваше Величество! Сию минуту разберусь!

– Конечно, разберешься! – Император усмехнулся и продолжил, – дорогой Кузин, сделайте всё тихо, и в тайне. Только два игрока – Вы и Я, и никого более, – Император достал большую изумительную сигару и прикурил, дым от неё заполнил весь кабинет, и заставил закашляться здорового Главу.

– Сделайте всё до своего перерождения, до того момента, как сядете в Харон, а теперь идите! – приказал Император.

– Слушаюсь, – Кузин подскочил, и пулей вылетел из кабинета, через мгновение, Белый Император остался один в дыму.

Глава 10

Старая аллея широко раскинувшихся и толстых лип тянулась от гранитных ступеней театра через весь город, и заканчивалась смотровыми площадками у окраины.

Она расходилась вокруг аэропорта в центре, и сходилась в парке, куда вели все зеленые малые аллеи в городе.

Императрица прошла вдоль березовой рощи, вдоль влюбленных пар, торчащих на скамейках и любующихся невообразимо большой луной, такой яркой, что не нужны были и фонари, чтобы разглядеть детали лиц людей, гуляющих по парку.

Луна удивляла своими размерами после солнечного и знойного дня, который, на сей раз, мучил Эра своей духотой.

Беллатриса, в сопровождении вечной охраны, непринужденно шагала в тени деревьев. Под черной вуалью, она напоминала собой лишь высокую особу, но не столь высокую, чтобы массово обратить в её сторону любопытные взгляды окружающих.

Она остановилась, приказала охране удалиться, и вошла меж деревьев, туда, где за их крепким стволом прятался низкорослый человек.

– Ты не заставил себя ждать, – обратилась к нему Императрица, в ответ, человек шагнул в её сторону и сделал низкий поклон.

– Госпожа Императрица! Вы ярче звезд, – начал льстить он, но Беллатриса его остановила.

– Твой голос сладок, и знаю, какой дурманный яд в нем содержится? Я вызвала тебя, сюда – наверх, не для любовных утех, а для одной небольшой просьбы, совсем не существенной.

– Вы знаете, Госпожа Императрица, что я в вашей власти, ведь Вы назначили меня быть первым там, где ещё не ступали ваши прекрасные ножки.

– И никогда не ступят! Твой пост – необходимость для нашего общества, и несколько десятков лет, проведенных в полумраке, принесут тебе небывалую славу, и моё личное доверие, – Беллатриса провела своими пальцами по щеке мужчины, почувствовав грубую щетину, брезгливо отвела руку.

Твоя жертва, обернется для тебя великой наградой, и я, возможно, увлеку тебя за собой в День Перерождения! О, мой тайный шпион...

– Скажите только слово, и я всё исполню, моя Госпожа! – воскликнул мужчина и схватил её перстень, сильно сжал и поцеловал.

– А нужна мне смерть одного злосчастного насекомого, которого мой сын, ненароком увидел внизу, не должно остаться никаких следов его существования, пусть наследник останется настоящим идиотом! Мы выставим его сумасшедшим, пусть твердит о крысах внизу, сколько захочет! Мне только на руку!

– За один поцелуй, я готов продать Вам душу, Госпожа!

– Так отдай же! – улыбнулась она, – и Госпожа Императрица, а не Госпожа, не забывайся! Поцелуй ты получишь после, и возможно, не только поцелуй, – Беллатриса страстно сверкнула взглядом в сторону несчастного. Она достала из сумочки небольшой желтый конверт и передала в руки её духовного раба.

– Отдай письмо таракану, который ворует, этому гнилому мародеру, – Императрица успела пропитаться ненавистью к нему и каждый раз гневалась, представляя его наглую грязную ухмылку, – пусть отнесёт его торговцу. На этом всё. Твои руки будут чисты, основное дело за нами, мои сети раскинулись очень широко, помни об этом! Несчастный случай, о нём никто не узнает – не найдут, – Беллатриса истерически засмеялась и оттолкнула обезумевшего поклонника, – а теперь убирайся с глаз долой!

– Да, Моя Госпожа Императрица, – и человек стремительно убежал в рощу, исполняя приказ.

– «Ещё одна рыбка села на крючок», – усмехнулась Беллатриса, – «стоит только помянуть» – никчемные ничтожества, – добавила она вслух и отправилась в город тем же непринужденным шагом.

– Богиня, как хороша, как хороша, словно демон и ангел в одном флаконе – бормотал себе под нос убирающийся прочь человек.

Глава 11

Прошло несколько дней, после отъезда Императрицы из города. На чем её дела в нем, на время, закончились, и её ждали новые маневры на корабле.

А Эр, меж этим, все больше погружался в работу. Он работал как безумный, никогда принц так не погружался в труд. Через силу, преодолевая себя, он продолжал искать, Эр был настоящим исследователем этого мира и, наверное, последним. Да, он умирал навсегда, как умирают настоящие люди.

Он мало спал, его мучили продолжительная бессонница и головная боль. Принц засыпал от усталости, и его сразу же будили кошмары.

Спасали его пилюли, которые приносила ему Саша. Маленькие зеленые таблеточки без названия, придающие сил, помогали бороться с сонливостью, сидя перед монитором домашнего компьютера.

– Саша! – воскликнул Эр, оторвавшийся от создания программы для модуля управления, и, переключившись на изучение исторических архивов, – я кое-что нашёл, иди-ка, посмотри! – на экране застыли изображение огромного каменного столба, с иероглифами.

– Пришлось взломать пароль, пока я с другого адреса, – Эр принялся за извлечение данных.

Саша, внимательно рассматривая надписи на неизвестном языке, спросила:

– Интересно, может ли их кто-нибудь перевести? – у Эра захватило дыхание, он вспомнил неизвестных людей в капюшонах, и чуть было не выронил «может», но сдержался.

– Не раскрывать же всех карт? – подумал он.

– Возможно, стоит поискать таких людей, слова должно быть очень древние, им несколько миллионов лет, сильно повреждены местами, словно от ударов, вот смотри, – принц указал на недостающий отколотый кусок.

Обелиск имел ровные, но покоробившиеся от времени грани. По легендам, его называли прародителем их расы, якобы из него, древние боги сковали созданий, подобных им. Доселе, не известен точный состав каменного обелиска, не известно его и местонахождение, по крайней мере для обыденных жителей. Так сообщают официальные источники. Но Эру казалось, что все держится в строжайшей тайне.

Эта Тайна окутала камень, с того самого дня, когда его, и остальные артефакты Ристалища подняли на морские корабли из подводного затопленного грота. Раскопки продолжались, пока землетрясение не обвалило вход, похоронив на глубине в несколько километров отважный экипаж батискафа и оборудование на очень круглую сумму.

В докладе ничего не говорилось о скрижали, и миллионах кристаллических созданий внутри. Чьи надписи человеческие ученые сумели расшифровать, и в будущем воскресить первых из первых. Ничего не говорилось и о гигантском некрополисе, наполненном грудой костей, в том числе и его – Эра.

Обо всем этом он и так знал.

– Да, ты прав Эр, может тебе отдохнуть? – Саша начала разминать ему плечи, – а я пока разберусь и накопаю что-нибудь.

– Хорошо, я так устал, – Эр незаметно выдернул флешпамять из компьютера.

– Пойду-ка, подышу воздухом, скоро вернусь, – он надел свой темный наряд, и не глядя в сторону Саши, которая погрузилась в монитор, спокойно вышел на террасу жилого небоскреба-пентхауса.

Глава 12

Городские улицы показались ему безлюдными, по проспектам проносились бесшумные автомобили, свет фар которых освещал гладкий, сыроватый вечерний асфальт.

Эр немного растерялся, столкнувшись с ослепительным белым светом огней небоскребов и уличных фонарей. Небо было черным, без единого облачка. Ближе к ночи переставали летать лайнеры, садившиеся на две параллельные полосы посадки. Но город не спал, а лишь затаился, его жизнь кипела уже за стенами роскошных зданий.

Человек в черном, сторонился прохожих, обходя их, или выжидая за углом или деревом, ряды которых не кончались. Он знал, что его нездешний вид привлечет не нужные взгляды, поэтому держался тени, и так, через несколько десятков минут, миновав все же заполненную людьми площадь, оказался перед самым большим музеем, когда-либо существовавшим.

Его руки дрожали от волнения, сжимая маленькую пластиковую память, пройдя мимо секьюрити, миновал парадный вход, который расходился в три стороны.

Музей работал круглосуточно. Кражи и ограбления канули в небытие, любой гражданин города мог взять себе любое произведение искусства, но на время.

Сооружение, построенное в Эру Золотого Человечества, вмещало все произведения искусства, накопленные людьми за несколько тысяч лет. Многие экспонаты утекли во дворцы и роскошные особняки и служили обычным интерьером. Здесь хранились самые известные картины, которые выставлялись для рассмотрения. Рядами стояли резные, золоченые троны монархов, возвышались латные рыцари, и густели краски высоких расписных потолков, перенесенных из самых знаменитых древних дворцов. От присутствия прошлого и безмятежной запыленности становилось не по себе. В нос били незнакомые запахи.

Музей был пуст в поздний час, и принц свободно перешагнул через ограждение, приблизившись к заветному старинному дубовому ящику.

С трепетом в груди, он опустил руку и вытащил свернутый папирусом лист бумаги и сунул в карман, после чего опустил флэш-память и закрыл крышку.

Пробил уже двенадцатый час. Эр бродил по мрачным помещениям, не спеша, рассматривая картины, вдыхая совершенно разные запахи красок, заполнявшие все пространство длинного коридора, он беглым взглядом переходил от одного портрета на другой, от пейзажа на натюрморт, пока его внимания не привлёк один необычный портрет женщины под витриной.

Эр не мог описать её словами, таких слов потребовалась бы не одна тысяча, картина вызывала противоречивые чувства и захватывала внимание наблюдателя.

Необычные краски наполняли её контуры лица, такой образ Эр ни разу не встречал в своей жизни. Его затянуло созерцание, без каких-либо мыслей. Затем Эр вспомнил о папирусе, достал его из кармана и развернул, но не успел прочесть, как вдали коридора послышался женский голос.

– А вот ты где! Я тебя по всему городу ищу! – кричала ему возмущенно Саша, она запыхалась от ходьбы.

Эр быстро и незаметно убрал в карман записку.

– Что ты здесь делаешь? – она подошла к нему вплотную.

– Не мог устоять и не зайти, полюбоваться творчеством доисторических людей, – он наигранно улыбнулся, изображая радость встречи.

– Они не совсем уж и доисторические, – девушка улыбнулась, – одна из самых загадочных картин, на мой взгляд – Саша подошла ближе к портрету и пристально всмотрелась в неё. Эр подождав, вывел её из оцепенения.

– Я кое-что нашла в архиве! Эр, ты не поверишь! И кстати, я видела, что ты что-то прячешь в кармане, ты что-то своровал, – Саша застенчиво отвела взгляд, став непринужденно уверенно перешагивать от полотна к полотну.

– Ты что-то украл? Да? Но я никому не скажу! Обещаю! Честно сказать, безумные поступки меня возбуждают...

Принц растерялся, и не ответил, а Саша меж этим подхватила инициативу.

– Артефакты, поднятые вместе с обелиском, хранились именно здесь, в этом потрясающем сооружении. Молот, серп, и лезвие, представляли меньшую ценность для ученых, нежели многотонная каменная колонна с иероглифами, и скрижаль, дискообразная ювелирная книга, на крышке которой изображен обряд возрождения, включающий в себя обряд смерти и воскрешения. Но эти инструменты – лишь атрибутика, ещё более древняя, чем сама технология поднятия из мертвых.

– Ты хочешь сказать, что артефакты и обелиск не имеют больше той, мистической силы, которую имели раньше?

– Именно, твой клан задумал воскресить себя в новом обличье, более сильном и приближенным к идеалу. Император с твоей матерью хотят обрести тела синтетики! Для этого им не нужен обелиск, им нужны новые технологии создания органических соединений и тканей.

– И все наши поиски артефактов сводятся к лишь историческому аспекту? – спросил Эр.

– Да, но расшифровка иероглифов сможет нам дать пару ответов. Эр, дай угадать, ты занимаешься сейчас именно этим? – заинтересованно спросила она, и продолжила, – доверься мне, вместе у нас получится лучше, чем поодиночке. Скажи мне, с кем ты ведёшь диалог? С тем типом?

– Ну что же, придётся ей сказать, рано или поздно я все же вызвал бы подозрения, жаль только, что я так сразу попался, – подумал Эр, и вытащил загадочный папирус.

– Честно сказать, я не знаю, что на нём – защитился от грубого любопытства принц.

Саша подошла ближе, взяла из застывших рук Эра лист, развернула и сказала:

– Оу! Да тут, какие-то числа!

Эр всмотрелся в числа, и понял в них порядок времени получения ответа и адрес ветви архива, но соврав Саше, сказал:

– Ничего не понимаю!

– Тот странный тип имеет к этому отношение Эр? Ему бы следовало оставлять послания более простым языком! – и, выдержав паузу, спросила, – кто он?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.